Афганец

Василь Быков

SHOUT
SHARE
IT

- Быков Василь

Быков Василь
Афганец

Быков Василь
Афганец
(Последняя повесть Василя Быкова)

Последние три или четыре ночи, вдрызг разругавшись с женой, Ступак ночевал в гараже. А потом и дневал, потому как твердо решил не возвращаться на свой пятый этаж силикатной хрущевки. Коли так получилось, что он стал там нелюбимым и ненавистным, что появился кто-то лучший, так пусть жена подавится и тешится с новым женихом, а ему, законному мужу пути туда больше нет. Все-таки он мужик гордый и просить не будет. Тем более, что вся его жизнь, кажется, пошла наперекосяк, так что уж тут жалеть о квартире?

Его неприятности начались в конце зимы с того, что неожиданно сдох еще недавно процветающий "почтовый ящик". Заказы Министерства обороны вдруг закончились, рабочим перестали платить, и Ступак, плюнув на новые порядки, подал заявление "по собственному". Думал, немного отдохну и найду что-нибудь для себя более приемлемое. Правда, тогда была еще надежда на жену, Людмилу Петровну, работавшую бухгалтером в банке. Но, видно, так уж повелось в жизни, что где тонко, там и рвется, так все разорвалось с Людкой. Неожиданно для себя он узнал, что у нее появился ухажер на стороне и не абы кто, а директор того же банка. Известное дело, не обошлось без злой ссоры, ругани, жена сначала все отрицала, а когда он влепил ей хороший подзатыльник, со злостью призналась, что да, есть у нее другой, настоящий мужик, не то, что ты - тля.

Себя не можешь прокормить, а не то, что жену с ребенком. Ступак все понял и, правильно оценив обстановку, захватил пиджак и треснул дверью. Это уж слишком, все-таки он не тля, он человек с характером, а, кроме того афганец. А уж если выпивает иногда лишку, так кто же сегодня не пьет? Разве что больные, потому что нельзя или те, у кого и выпить не на что. Другое дело, и у него в последнее время часто не было, за что выпить...

Металлический гараж, сваренный из листов железа, примостился на краю городского двора, около небольшой аллеи липок, рядом с такими же гаражами-времянками для автомобилей. Гаражи здесь были уже лет десять, когда выяснилось, что стояли незаконно - вышло постановление их снести. Куда? вопрошали их владельцы, и, не получив ни одного

ответа, справедливо решили а вот вам, выкусите! Ничего мы сносить не будем.

На удивление всем, от них отстали, перестали наклеивать на ржавые двери грозные предупреждения. Гаражники было подумали, что победили, но в начале лета всех вызвали в налоговую инспекцию, где каждому выписали налог и штраф. Штраф оказался большим, но гаражники-пенсионеры, дождавшись пенсий, все-таки сумели заплатить. Ступак второй раз сказал: "Выкусите!", у него уже давно не было денег не только на штраф, но и на кружку пива похмелиться поутру.

Неподалеку от гаражей ютилась детская песочница и беседка с проломанным полом, пустовавшие целыми днями, так как детишки из соседних домов, известное дело, давно выросли, а новые не рождались. Только под вечер, ближе к ночи, там появлялась ватага подростков из соседних ПТУ или школы, эти уже и выпивали, и курили, и, может даже, кололись, часто с ними были девчонки, матюкавшиеся не хуже ребят, нисколько не обращая внимания на редких взрослых у гаражей. Однажды, не выдержав шума и гвалта,

Ступак попробовал их утихомирить, пообещал вызвать милицию. В беседке на некоторое время притихли, потом из темноты донесся молодой басок: "Думаешь, железо, так и не горит?" У Ступака отнялся язык, намек получился очень выразительный, он хорошо знал, как горит железо. Сам под Кандагаром едва унес ноги из БТРа, который занялся таким страшным пламенем, что расплавился весь асфальт на дороге. Тогда он шуганул эту ватагу парней, хоть и подумал, что такое соседство может для него плохо кончится. Не сгорел в Афгане, так не хватает еще сгореть в гараже на собственном дворе. Скорее всего, это была мальчишеская бравада, может никто бы и не подумал поджигать его гараж, однако...

Баксов, что выручил за свой "Москвич 412", еще весной стоявший в этом гараже, давно не было. Тогда казалось, что восемьсот баксов хватит надолго, все же немалые деньги,

Впрочем, так же считали и соседи по гаражу, вечерком присаживаясь в его опустевшем гараже возле застеленной газетой промасленной табуретки.

Соседи, вообще-то, были люди неплохие, это они убедили его расстаться с надоедой-москвичом, советовали присмотреть иномарку, которые все чаще появлялись в их дворе. Конечно, он был бы не против пересесть на "Опель" или "Мерседес" и уже приглядывался к ним на улице, но уж так случилось, что баксы закончились гораздо раньше, чем он успел приглядеть подходящую модель.

К тому, что осталось, надо было доложить очень много, а докладывать было не из чего, а к жене он даже и не думал соваться. Тогда он плюнул на все иномарки сразу и на последние десять баксов купил две поллитровки, какую-то закуску и справил поминки по своим недавним помыслам. В конце-то концов, можно прожить и без машины - меньше хлопот и опять же свободней стало в гараже.

Однако, это только казалось, без денег прожить было невозможно, в этом он скоро убедился. Обычно под вечер в будни или в выходные у гаражей собирались их владельцы, распахивали настежь ворота и начинали копаться в двигателях или перебирать всякую мелочь в багажниках. А потом, перекуривая во дворе, начинали неторопливее беседы про беды своих "запорожцев", обсуждали цены на бензин. После длительного бензинового дефицита, тот, наконец, появился на заправках, но цены так подскочили вверх, что в глазах потемнело. Правда, Ступака это уже мало волновало, бензин ему больше был не нужен, эти заботы его не трогали. Его волновало другое: когда же кончится эта неустроенность, безработица и безденежье, когда он, здоровый мужик, получит, наконец, работу и будет зарабатывать себе на жизнь?

Моложавый доцент Минкевич, ездивший на неплохой "семерке", глубокомысленно объяснял, что причина всего - энергетический кризис, надо искать альтернативные источники снабжения страны нефтью, однако все упирается в реакционное руководство, которое ориентируется только на восток. Сазон Иванович, седой ветеран, с другого конца гаражей, на это авторитетно возражал, что все дело в развале великого могучего государства под названием Советский Союз. Его сосед, которого все называли немного невежливо Плешкой за его лысину, говорил очень мало, но всегда так, словно забивал гвоздь: за кого проголосовали, того и получили. Лучшего не заслужили.

Костлявый Плешка знал, кто из соседей за кого голосовал, все рассказывали об этом за табуреткой в гараже Ступака, знал это и Ступак, потому что сам голосовал так же. Так на кого же теперь обижаться? Сначала он сомневался в своем выборе, все думал, что дела в стране как-нибудь поправятся, но время шло, а дела катастрофически ухудшались. Те, кто воровал, стали воровать еще больше, а главное - на законном основании, в пригородах, как на дрожжах, росли дачи-дворцы, рабочих увольняли, а тем, кто еще работал, почти ничего не платили, не хватало денег. Зато этих же денег вполне хватало для громадной милицейской стаи, ОМОНа, всех этих спецслужб, что кишмя кишели на улицах столицы.

Доведенный голодом до отчаяния, Ступак отправился к руководителю общества афганцев, но тот только развел руками - что я могу? Денег у меня нет. Однако по телевизору он все время твердит, что воинам-афганцам прямо-таки необходима всяческая помощь. Вот он пусть и помогает, ответил руководитель общества. Ступак прикрутил к пиджаку свой орден и пошел в резиденцию-дворец, но его уже на пороге остановила охрана. Как он не доказывал, что он и орденоносец, и раненый, пройти внутрь ему не удалось. Он их хорошенько обругал, заодно их хозяина, и поплелся домой. В свой опустевший гараж. Он бы все кое-как перенес, если б каждый день не хотелось есть. В своем дворе, среди знакомых и незнакомых он, однако, помалкивал. Не привык он говорить про жизнь, особенно по поводу властей, лучше держать язык за зубами. Так когда-то учил его отец, наставляли в комсомоле, потом в армии и партии, из которой, он считал, что выбыл в памятную осень девяносто первого года. Партбилет, правда, не сжег, сунул под белье в женином шкафу, пусть валяется. Может и сейчас там лежит.

Однажды он хорошо набрался с ребятами на сороковинах инвалида, тоже афганца, до времени сгоревшего от водки, и ночью едва добрался до своего жилища. Проснулся рано, чувствовал себя паскудно, болели голова и сердце, совсем не хотелось жить. Кое-как дождавшись, когда рассветет, встал, приладил под потолком петлю из капронового буксирного троса, на середину гаража подвинул табуретку. Только хотел встать на нее, как в двери тихо постучали и он понял, что это кто-то из своих. Отбросив в сторону табуретку, открыл дверь, - напротив стоял сосед, молодой парень Алексей, просил струбцину. Ступак отправился искать по темным углам инструмент, а Алексей, стоя посреди гаража, спросил: "А это что за веревка у вас?". "Да, так, привязывал кое-что" - соврал хозяин замогильным голосом, словно возвращаясь с того света. Потом, когда парень ушел, его прежняя решимость совсем пропала, осталась только всеобъемлющая тоска. С открытыми глазами он полдня провалялся на раскладушке, а потом побрел к пивному ларьку, где долго прождал первого знакомого. Едва дожил тот день до вечера.

Сам Ступак был человек молчаливый, но разговоры других слушать любил, особенно, если речь заходила о политике, от которой теперь все зависело. Да еще такая политика, в которой было не столько ума и рассуждений, сколько скандалов и циничной лжи. Лгала власть, лгал криминалитет, который множился и от него не стало продыху простому человеку. На днях в соседнем дворе из-под окна украли, правда, не новый БМВ,

только что пригнанный из Германии. Несмотря на заграничный "аларм" , который хозяин демонстрировал целый вечер, давая понять тем самым, что не стоит машину красть - загудит, заверещит. Но не заверещал и не заголосил БМВ, как его увели со двора и теперь он навсегда пропал. Люди говорили - милиция, кто ж еще так умеет? Может и милиция, думал Ступак. У пенсионера из соседнего дома именно милиция нашла украденный еще зимой "жигуль", но кузов оказался перекрашен, номера перебиты и машину хозяину не отдали, так как, видите ли, появились сомнения. После того, как машина постояла на милицейском дворе полгода, от нее мало что осталось раскулачили вдрызг. Стоял голый кузов. Может, и хорошо, что Ступак загнал к чертовой матери свой "москвич", меньше забот и больше безопасности.

По причине безденежья он почти не читал газет, разве что случайно, но после этого нервничал и расстраивался, аж свербело поругаться. Газеты врали так нагло, как не врали никогда до этого даже при советах. А кроме этого в каждом номере - указы, декреты, законы и пропасть всяких поправок к предыдущим законам, бесконечные речи самого, от которых хотелось взвыть. Все указывал, требовал, угрожал и обманывал - как когда-то политруки в армии, как в том же самом Афгане. Что значит милиционер, который не накомандовался в своей полицейской службе и теперь сполна удовлетворяет свой командирский зуд. И, как ни удивительно, это многим нравилось, пенсионеры, военные отставники словно зачарованные, читали все его выступления в газетах, все его декреты и, вряд ли что понимая в этом многословном пустозвонстве, одобряли. "Может порядок наведет" - стало их неизменным аргументом. Хотя, какой им нужен порядок в беззаконной стране, неизвестно. Скорее всего, они и сами этого не понимали.

Сколько раз Ступак пробовал послушать его по телевизору, но не выдерживал и пяти минут, глубиной души чуя фальшь его пышных слов, и только удивлялся, как этого не слышали другие. Взять хотя бы его жену. Стоило Ступаку посреди его выступления ткнуть пальцем в какой-нибудь другой сенсор, переключиться на другой канал, как она бросалась к телевизору и возвращала все на свое место. И жена, и ее младшая сестра могли с замиранием сердца слушать и смотреть его хоть до утра. А на ступаковы упреки обычно отвечали: ну как можно брезговать выступлением такого видного сексуального мужчины. Они просто млели от одного взгляда на его всегда гладко выбритое лицо с загадочным, почти соколиным взглядом, тугими щеками и мощной нижней челюстью, которая просто вылезала из экрана. В такие минуты

Ступак был готов возненавидеть весь женский род, а не только собственную жену. Ее он уже давно ненавидел, нутром ощущая ее фальшивую сущность, дешевое актерство, рассчитанное на дураков или подлецов.

А как он ездил по городу? Движение на улицах замирало, гаишники переключали светофоры и с палками выскакивали на перекрестки выгонять тех, кто не успел убраться с дороги. Все выглядело на улице так, будто ожидался конец света, когда вдали бешено выскакивали три-четыре черных автомобиля, уступами справа и слева, следом за милицейской мигалкой, и мчались дальше. По всем пути их следования прижимались к тротуару все машины частников или, как их еще называли, автолюбителей. Однажды Ступак не успел в такой момент остановить свой "москвич", так как не было возможности приткнуться к тротуару, где уже стояли автобусы, как гаишник коршуном налетел на него, обругал, забрал документы, за которыми потом пришлось не один раз ходить в контору.

Оглядевшись и разобравшись, кого они избрали, мужики начали упрекать один одного за свой глупый выбор. Точно так же мог упрекнуть себя и Ступак. Он тоже голосовал за него. А как было голосовать за его соперника, как говорили некоторые, "националиста"? Может он был и неплохой парень, ученый, да только что он мог сделать с этим народом, который привык только лодырничать и воровать? Который наполовину сложился из коммунистов и комсомольцев, а вторая половина которого обслуживала КГБ?

А тут еще он объявил, что узаконит частную собственность и введет обязательный национальный язык, который почти все уже забыли - и в городе и на селе. Ступак начал от него отвыкать еще в армии, хотя для него, деревенского парня, овладеть как следует русским языком было трудно. Он долго не мог правильно произносить многие русские слова (тряпка, например, за что его дразнили в роте - "трапка"). И вот, только он отучился, в основном, от деревенского языка, заговорил, как многие в городе, по-русски, как этот ученый-националист собирается всех переучить назад, по-деревенски. Нет, с этим Ступак был не согласен. Пусть уж деревенские родители договаривают свой век, как умеют, а он останется при городском языке. Как все начальники. Как все вокруг. А кроме того, он угрожал на митингах коммунистам, номенклатурщикам и кэгебистам. Как раз перед этим Ступака приняли в партию, появилась некоторые новые перспективы, и он сознательно проголосовал за милиционера, такого же коммуниста. Правда, уже тогда как-то слабо надеясь, что его все-таки не выберут. Так нет же, выбрали

на свою голову.

Где-то в середине лета, когда нужда совсем допекла, он вздумал съездить к отцу. Как раз в ту сторону ехал Плешка на своем "запорожце", взялся подвезти. Выехали спозаранку, по холодку, на улицах было еще свободно от автомобилей, "запорожец" весело тарахтел свои двигателем, казалось вот-вот пойдет вразнос и развалится. Однако не развалился, шустро катил по шоссе. За городской чертой на перекрестке уперлись в шлагбаум ГАИ - проверка документов, как когда-то в Афгане. Но там, понятно, шла война, а здесь...

Хмурые от недосыпа парни в камуфляже с автоматами на груди придирчиво осмотрели плешкины права, заглянули в салон, багажник. Плешка, неожиданно для своего возраста и вопреки характеру начал лепетать что-то, словно подлизываясь, как будто был в чем-то виноват. Ступак же чувствовал только злость, когда эти молокососы придирчиво исподлобья оглядывали его, запасника-афганца, награжденного боевым орденом. Кто они такие? Хоть раз стреляли из этих автоматов по живым людям, раздраженно думал он.

Потом, уже на дороге, может, размякнув на КПП, Плешка начал жаловаться на трудную жизнь. На свою трудовую пенсию нужно было еще поддерживать и дочку с двумя внуками, которая вот уже второй год нигде не работает. На старости лет, вместо того, чтобы забивать "козла" в домино или сидеть с удочкой на речке, он вынужден ремонтировать чужие машины, отбивать пальцы на кузовном ремонте. Однако ж какой никакой лишний рубль на поддержку дочки. Вообще-то, плешкина дочка не была исключением, сегодня многие молодые жили на нищенские пенсии родителей. Ступак, отправляясь в деревню, тоже надеялся хоть чем-нибудь поживиться у отца. Он расслабленно сидел рядом с Плешкой, сосредоточенном на дороге, и, когда тот замолчал, сам начал разговор. Приперло поговорить, рассказать про свое наболевшее. Там, около гаражей, Плешке некогда было слушать, а тут он никуда не денется, выслушает все думал Ступак.

- Вот и говорю тем типам в военкомате, что я не сам туда напросился, меня послали выполнять интернациональный долг, а что получил за это выполнение?

- Лучше б ты его не выполнял, - не очень ласково заметил Плешка.

- Это как? Не выполнял?

- А так. Больше б пользы было.

- Кому пользы? - что-то не мог понять Ступак,- Если б не мы, душманы захватили бы Афган!

- А зачем им его захватывать? Это и так их страна.

- А американцы? Они бы быстренько сели на наши границы.

- И пусть бы сидели. Нам-то что до этого?

- Ну, знаешь! - начал горячиться Ступак. Ему были непонятны возражения соседа, с таким он еще не встречался.

- А вот теперь Чечня, - спокойно продолжал Плешка. - В Афгане интернационалисты, а в Чечне - федералы. А все наша молодежь гибнет. А зачем ее гробить? - рассуждал Плешка, разъезжаясь с трактором, тянувшим вихляющий прицеп.

- А в Чечне наших нет. А то я, может, и сам поехал. - сказал Ступак, От жизни такой.

- Ну и дурак, - просто откликнулся Плешка, - в Афгане не научился?

Называется поговорили! - подумал Ступак. Этот пенсионер Плешка думал как-то уж очень по-своему, молодые все-таки думали иначе, вот что значит разные поколения.

Хотя что Плешке - он получает пенсию, а что и где получает Ступак? Он хорошо тогда выпил у отца, который жил бобылем в крайней от леса хате. Да и всего-то остались в деревне четыре хаты, в которых жили одинокие старики. Коровы у отца давно не было, не было даже курицы. Да и зачем они? На дворе за забором было несколько борозд картошки, хлеб привозили в соседнюю деревню, давали две буханки на неделю, старику хватало. И он не жаловался. Когда приехал сын, сходил к соседу Петроку, принес бутылку самогонки, потом приковылял и сам поседевший согнутый Петрок. Хоть и старые и немощные, но неплохо врезали самогонки с молодым, не прекращая своей старческой болтовни, когда каждый гнул свое, не слушая других. Отец, хотел должно быть похвастать перед соседями и спросил сына, за что ему дали орден, какой он и сам получил

в партизанах - Красной звезды. Ступак без особого вдохновения начал рассказывать.

- Да под Кандагаром это случилось. Были на марше с батальоном Кравцова, потом колонна втянулась в "зеленку", ну, духи и начали лупить. Передний БТР сразу полыхнул, загорелся, ребята, как горох, - в канавы. А я, знаете, сначала задержался, не успел выскочить, в третьем ехал, а как очухался, сообразил - поздно. Духи палят, а у нас установка "град" стоит брошенная, потом оказалось первого номера убили, а второй убежал. Ну, я за установку, Антипенко тоже прибежал, стал помогать, как врезали по "зеленке", так те духи - кто куда. Моментально выкурили из зарослей, они - в кишлак, конечно, а мы туда перенесли огонь, да из пулеметов еще, с зениток - только от дувалов пыль облаком до неба. Потом неделю нельзя было через кишлак пройти, так

воняло, хоть противогаз надевай. Трупы людей и скотины.

- Во, и у нас так было, - в продолжение рассказа сына заговорил захмелевший отец. - В партизанах. Лежим мы в Грязном болоте в засаде, лежим и лежим, никого на дороге нет, только комары гудят. А потом смотрим, едут немецко-фашистские захватчики на фурманках. На передней немец гармошку в руках держит, играет или как? Наверно, не играл, так ехал. Ну, тут мы и врезали. Я, ты знаешь, с ручным пулеметом был, да как лупану! Те - в канавы, а в канаве тоже пулемет изготовили, да по нам! А мы - по ним!

А тут еще колонна их подошла, ну, на подмогу. Наши и драпанули. А я ж не знал, что они драпанули, да и поливаю их со своего "дегтяря" в канаве, ну и выбил. Тогда и наши стали возвращаться по одному, командир Денисов вернул. Ну, и за это мне через полгода - орден Красной звезды, как положено.

- Во, герои! В одной семье - батька и сын! - пьяновато удивился Петрок.

- А что ж, мать твою! Будет война, снова пойдем. Против немецко-фашистских, чеченских, американских захватчиков. НАТО прет на восток...

Отец совсем захмелел, сын уложил его в скомканную, без простыни, постель, сам вышел во двор подышать свежим деревенским воздухом. Запутанная штука эта война, думал он, а пользы от нее - гулькин нос. За пролитую кровь - дурацкие льготы. Как у этих стариков - бесплатный проезд в пределах района. А куда им сейчас ездить, кроме как на кладбище.

Из деревни Ступак привез десяток взятых взаймы у соседки яиц, кусок прошлогоднего сала и думал, у кого бы раздобыть денег на хлеб? Снова придется просить у Плешки, хотя и так уже ему должен тысяч сто. Но, может, еще даст. Сидеть все время в растворенных дверях гаража было жарко и нудно, особенно в полдень, когда над двором нависало жгучее солнце. Ступак пробовал закрывать двери, но получалось еще хуже и он решил запереть гараж и куда-нибудь сходить. Как-то в воскресенье, добрел до проспекта в центре города, увидал там нечто необычное, небывалое в выходной день зрелище.

Сначала издалека послышался шум, гомон, шаги множества людей, направленной волной двигавшихся куда-то в направлении центральной площади, держа над головами какие-то лозунги. Ветер трепал бело-красно-белые флаги много флагов реяли над колонной до самого ее конца, который прятался за поворотом улицы. Начало шествия уже миновало переулок, где стоял Ступак, а кто вел это шествие, уже было не разобрать. С обеих сторон колонны дежурили милиционеры. Некоторые их них стояли в

неровных шеренгах, другие (наверно, начальство) бегали-суетились в своих милицейских заботах. Ступак сначала даже остановился, пораженный увиденной картиной, а потом неожиданная волна волнения подхватила его и вынесла к людям. Молодой милиционер на краю тротуара попробовал загородить ему путь, но Ступак плечом решительно отодвинул его в сторону.

И вышел на асфальт - ко всем. Взявшись за руки, по всей ширине улицы шли и молодые, и старые, и среднего возраста мужчины и женщины, лица у всех были какие-то праздничные, без обычной повседневной озабоченности и нередкой, особенно в последнее время, жесткости. Поражало огромное количество национальных флагов, трепетавших над головами от свежего утреннего ветра. Немного меньше было плакатов с разными надписями, сделанных иногда профессионально, а чаще - не очень умелыми руками. Ступак, оглядевшись, прочитал те, что были поближе: "Беларусь в Европу!", "Нет большевикам!", "Милицейское пугало - в Минское море!". Как раз над его головой колыхался лозунг-плакат, что нес молодой парень в джинсовой курточке, со множеством восклицательных знаков "Мы хотим есть!!!!" . Это было очень понятно Ступаку, он тоже был голодным с утра, есть очень хотелось, но в кошельке не было ни одного "зайца". И он пошел вместе со всеми, не очень бодро шагая в толпе, стараясь не наткнуться на идущих впереди, не наступить на чьи-нибудь пятки. Грандиозное единство шествия давало ему ощущение порядка и уверенности, такой силой можно добиться, чего хочешь. А чего добиваться, было ясно каждому из плакатов над головами. Кто мог отказать на законные требования? Кто мог остановить этот многотысячный поток горожан?

Но вскоре поток почему-то замедлил ход, чем дальше, тем чаще останавливался. Впереди люди сжимались все тесней, движение начало замирать непонятно, почему. Послышались крики недовольства, а может и протеста, задние ряды поторапливали, и тогда Ступак догадался, в чем дело. Стараясь не толкаться, он двинулся вперед, обходя наиболее плотные группы людей. В одном месте даже пробежался по тротуару под носом у озабоченных потных милиционеров, также напряженно вглядывавшихся вперед. И ему стала видна преграда. Шествие уперлось в плотные, как будто спрессованные ряды ОМОНа, от стены до стены зданий, вытянувшиеся поперек проспекта.

Он протиснулся еще немного вперед, чтобы лучше разглядеть, что там делается, однако видно было не очень много, слышался гомон, должно быть руководители этого шествия пытались разговаривать с толстым милицейским полковником, который время от времени что-то невразумительно хрипел в

мегафон. За ним замерла стена омоновцев - сверкающие щиты около ног, шлемы-скафандры на головах, груди топорщились под бронежилетами, у каждого черная палка в правой руке. Но они же были щенками перед объединенной силой многих тысяч, окрыленных своей правдой? Их можно было раскидать за одну минуту. Кто-то даже крикнул из толпы что-то вроде "Вперед!". И тогда по краям толпы люди как-то непонятно зашевелились, вдали испуганно закричала женщина. Ступак оглянулся - из переулка от почты, клином рассекая толпу, врезался отряд омоновцев в касках и со щитами. Эти сразу начали работать длиннющими черными палками - молотить всех, кто попадался им под руку.

Толпа колыхнулась в одну сторону, в другую, некоторые бросились назад, под стену почтамта, но и там неизвестно откуда (может из дверей) выскочили омоновцы. Неожиданно их стало, как казалось, не меньше, чем демонстрантов, они рассекали толпу на части и били, колошматили, валили на асфальт людей мужчин и женщин, хватали, комкали флаги и плакаты, которыми некоторые люди пытались обороняться. На улицей взвился отчаянный, дикий крик и шум, женский плач перемежался с сочной мужской руганью и непонятно было, кто ругался. Наверно, и те, и другие.

После минутной растерянности Ступак сообразил, что пора делать отсюда ноги, "рвать когти". Но, кажется, сообразил немного поздно. Первый удар резиновой дубинкой по спине заставил его пошатнуться, он споткнулся о кого-то, лежащего на асфальте, но удержался на ногах, не упал и успел оглянуться на того, кто его ударил. Из-под выгнутого пластмассового козырька на него уставилось покрасневшее от пота лицо молодого омоновца.

В тот же момент новый удар по плечу заставил его присесть от боли. Спасаясь, он головой вперед бросился через поредевшую толпу - подальше от этих убийц. Но, видимо, опять упустил момент, и на него набросились еще трое или больше в касках. Что б как-то вырваться, он со всей силы толкнул ближайшего, щит со звоном полетел на асфальт. Ступак что было сил рванул дальше, через помятый в схватке ряд омоновцев на соседнюю улицу.

Сначала он бежал, слыша, как позади волнуется, воет и ругается недавно еще могучее шествие, а рядом со сквером ревут двигатели КамАзов, подвозивших новые подкрепления ОМОНу. Или увозили схваченных и побитых. Его обогнал молодой парень в белой окровавленной рубашке, повторявший одно слово: "Шакалы! Шакалы!". "Шакалы", - сказал сам себе мысленно Ступак, направляясь следом за парнем на тротуар. За ним,

однако, почему-то никто не гнался, и он пошел тише. Вокруг бежали еще люди, вырвавшиеся из западни, кое-кто из встречных прохожих испуганно спрашивал: "Что там? Что?" "Иди, посмотри",- со злостью кинул Ступак пенсионеру с рядами цветных планок на борте потертого пиджака. Сильно болело плечо, он едва двигал рукой, подумалось, а не сломали ли ему кости? Немного успокоившись, переулками и задворками добрел до своего двора. На счастье, у гаражей никого не было, должно быть гаражники разъехались по своим дачам-огородам. Ступак одной рукой открыл внутренний замок и, запершись, улегся на свою раскладушку. Самое время было расслабленно вздохнуть и застонать, так болело плечо. Однако он сдержался при мысли, что его могут услышать, только мысленно выругался. Все же, может, его там видел кто из знакомых, хоть он и убежал, найти было нетрудно. Он знал, что у них все на учете: все адреса, приметы, свидетели, стукачи, сексоты. Разве от них спрячешься? Тихо ворочаясь от боли на скрипучей раскладушке при запертых дверях, он вслушивался в каждый звук-шорох у гаража. Слышал, как приехал на своей старой "волге" и открывал свой гараж Сазон. Лучше бы Ступак услышал звук двигателя "запорожца" Плешки, но его не было, может, заночевал на огороде. Что делать дальше было неизвестно, в гараже долго не просидишь, уныло думал Ступак. Уехать что ли в деревню? Но, чтоб уехать, нужны деньги, хотя бы на билет. Да и, если начнут искать, так и в деревне найдут, эти все могут.

Что касается сыска, то тут они мастера, каких мир не знает. Ступак припомнил, как в армии на дверях уборной кто-то гвоздем нацарапал "Брежнев мудак!". Явились следователи по особо важным делам, полгода вели следствие, перетрясли казарму, перетягали всех в хитрый домик контрразведки, но нашли. Приперли, так сам признался. Первогодок из Мордовии обиделся на старшину и нацарапал два слова - на свою голову.

Все же Ступак кое-как провел ту ночь, спал тревожным сном подбитой птицы - то засыпал, то просыпался, придумывая, как поудобней уложить больную руку. Душу жгли несправедливость и злость, что ж это делается? За что? Врезали по тому самому плечу, где еще виднелся шрам от душманской пули. Но это же не душманы, это же свои. Кто ж их так науськал на мирный народ, почему они стали карателями?

Однако, кто их науськал, было известно. Все доброе делалось по команде одного человека. Все зависело от него. Проснувшись как-то под утро, голодный и не выспавшийся от постоянной боли в плече, он внезапно сообразил - его надо убить. Как сделать это, он себе пока не представлял. Однако понимал, что для этого,

прежде всего, нужно оружие или какая-нибудь взрывчатка. Но где ж ее взять? От оружия зависел и способ теракта, значит, оружие прежде всего. Хотя бы пистолет. Лучше, конечно, автомат Калашникова, с которым он воевал в Афгане. Ступак впервые пожалел, что семь лет назад приехал из Афгана с пустыми руками. Хотя с этим делом там было строго: требовали подписку, что ничего не везешь. Только ребята все равно везли, кто пистолет, кто гранату. Он не решился, думал, зачем? Он же не собирался стать киллером, он возвращался в родной "почтовый ящик", где делал что-то там такое для ракет. А может, и для космоса. Но "почтовый ящик" накрылся одним местом, и он стал безработным афганцем. Вот же судьба собачья...

"Ну, и пусть! - лежа на своей раскладушке спокойно думал Ступак. Киллер, по крайней мере, звучит. А то - тля! Я тебе не тля, ты еще узнаешь, кто я. Не то, что эти демократы. Устроили, понимаешь, праздник, вышли к костелу. Не хватало только музыки. А он на них - этих двуногих шакалов в броне. Вот они и дали прикурить, аж дым пошел. Избили,разогнали, похватали... Теперь будут ходить к прокурору, оправдываться. Будто бы прокурор не вместе с ними. Может, сам прокурор лупил их со щитом, в бронежилете. А что? Под колпаком все равно не видно, кто тебе навешает. Все они - одна кодла. Нет, так ничего не добьешься. Надо его застрелить. А там будь, что будет. Чем тухнуть в этом вонючем гараже... Сдохнешь тут, и когда еще догадаются, что ты помер. Как та бабуся из первого подъезда, что три недели пролежала в закрытой квартире. Покуда соседи не унюхали... Да, ему очень нужно оружие.

Но чтобы купить оружие, прежде всего нужны деньги. Без них ни черта не сделаешь, самодеятельный киллер-одиночка, невесело думал Ступак в утреннем гаражном полумраке. Решение, однако, было принято, а он не любил менять своих, хоть бы и рискованных решений. Такой уж характер. В то утреннее мгновение у него появилась цель, ставшая его главной и повседневной заботой. Он еще лежал в дремоте, как на дворе неподалеку послышался металлический грохот, и Ступак, вскочив, приоткрыл дверь. Немного сбоку от дверей стояла "семерка" доцента Минкевича, которую тот хотел загнать в гараж. С этим интеллигентом Ступак дружбу не водил, тот как-то держался в стороне от остальных, редко когда вступал в разговор. И всегда куда-то торопился, "семерка" его была всегда чистенькая, будто свежевымытая, хотя и не новая, да и сам Минкевич всегда выглядел по последней моде - коротко подстриженная бородка, очки в тоненькой оправе. Он взглянул на Ступака и поздоровался. Ступак, чтоб как-то начать разговор, попросил у доцента

закурить, и тот вынужден был задержаться у раскрытых дверей его гаража.

- Вы бы не могли мне одолжить?

- Сколько? - спросил Минкевич, с готовностью доставая кошелек. - На поллитру?

- Надо больше. Баксов пятьсот, - отважно сказал Ступак, сам удивившись своей отваге.

- Ого! - здорово удивился доцент. - У меня зарплата тридцать баксов в месяц.

- Плохо живете, - уныло заключил Ступак. - А может знаете, кому можно гараж загнать?

Минкевич пожал плечами.

- Дайте объявление в газету, или спросите у Волынца. Он же автобизнесом занимается.

Волынца Ступак немного знал, тот жил в соседнем доме, недавно закончил евроремонт квартиры, под которую скупил чуть ли весь этаж замызганной хрушовки. Любоваться на его сверкающие, с медовым отливом, в дюралевых рамах окна собирался весь двор. Внизу, у подъезда, часто стояли "Вольво", "БМВ" или "Мерседесы" с зарубежными номерами. Это был типичный "новый белорус" и предложение Минкевича имело смысл. Гараж надо предложить Волынцу.

Однако выловить бизнесмена было непросто. Его "беэмвухи" около подъезда не было видно, в квартиру же Ступак не пошел, сказали, там всегда охрана. Тогда он присел на лавочку напротив дюралевых окон богатея, немного подождал. Рука все болела, хоть и не так, как вчера. Двигать ею Ступах боялся и, согнув в локте, аккуратно держал под накинутым на плечи пиджаком Когда на улице стали появляться утренние прохожие, встал и направился к своим гаражам. Здесь, с утра пораньше, появился Плешка, начал возиться со своим капризным "запорожцем"

- Что это с тобой? - кивнул он на руку, поздоровавшись.

- Да так. Упал.

- Выпивши?

На это Ступак ничего не ответил, не хотелось рассказывать про вчерашнее, как бы сегодня не получилось продолжения. Только внимательно оглядел двор, чтоб сразу заметить, если появится милицейский УАЗик. Но милиции пока не было, а Плешка копался в двигателе.

- Что, помпа? - посочувствовал Ступак.

- Помпа, чтоб она сгорела. Уже который раз, - сказал Плешка и, оглянувшись вокруг, тихо добавил: "Слыхал, что вчера на проспекте было?"

- А что? - простодушно поинтересовался Ступак.

- Говорят, ледовое побоище. Минчан с псами-рыцарями.

- Как это?

- А так - полторы тысячи ОМОНа. Да еще милиция. Да внутренние войска. Сила!

- Сила, - согласился Ступак.

Плешка всегда начинал так разговор - сначала он будто бы был на стороне власти, мог даже матюкнуть демократов, но свое настоящее отношение к событиям приберечь на потом. Прислонившись к крылу автомобиля, снова оглянулся и негромко сообщил:

- Говорят, сам лупил. Палкой. Под маской омоновца. Во, хищник!

- Точно, хищник, - помимо воли вырвалось у Ступака. Однако собственного мнения по этому поводу высказывать не хотел.

Все же сообщение Плешки взволновало Ступака, сначала он даже как-то не поверил в это. А потом, поразмышляв, решил, а может так оно и есть, это правда. От такого можно было ждать чего угодно, и очень даже возможно, что наибольшей радостью для него было самому поучаствовать в этой эффектной полицейской акции. Ощутить азарт расправы, как хищник над своей жертвой. Ступаку даже показалось, что тот, кто его бил по раненому плечу, мог быть как раз он. Краем глаза он успел разглядеть что-то под шлемом - с озверевшими глазами, усатое. Хотя усатых там хватало. Оставив Плешку у гаража, Ступак пошел в соседний двор и еще издалека увидел черный БМВ у второго подъезда. Он прибавил шаг, точно, это была машина Волынца, а около нее сам владелец, только что вышедший из дверей. Это был моложавый еще человек в дорогом двубортном костюме с длинным галстуком, он бросил на заднее сиденье кейс и открыл переднюю дверцу. За рулем ждал молодой шофер с бычьей шеей и стриженым затылком.

- Можно вас на минутку, - окликнул Ступак

Волынец с недовольным лицом придержал дверцу. Ступак подошел поближе и сдержанно поздоровался.

- Продаю гараж. Вон тот, металлический. Купите?

Напряжение на лице Волынца пропало, он все понял и деловито кивнул.

- Сколько:

- Ну, это... Тысячу.

- Даю пятьсот. С вывозом.

Пятьсот, конечно, не тысяча, но тут не торговля, а просто продажа, подумал Ступак, чувствуя, что покупатель очень торопится и вот-вот сядет в машину. Второй раз его можно и не застать.

- Ладно, что ж...

Волынец из внутреннего кармана пиджака достал кошелек и ловко выдернул из него три стодолларовые купюры.

- В качестве задатка.

- Только освобожу к концу месяца.

- Тогда получишь остальные. Всего хорошего.

Волынец спрятался в черном БМВ, который резко рванул с места, а Ступак постоял еще немного, не зная, радоваться ему или не стоит. В руке был триста баксов, целое богатство для него. Но он потерял свое последнее пристанище. Куда ж теперь приткнуться, если его курятник теперь принадлежит этому бизнесмену? А может тогда и нужды в пристанище не будет. Об этом другие позаботятся.

Тем же утром он разменял в уличном обменном пункте сто долларов, накупил в гастрономе жратвы: два белых батона, здоровый кусок колбасы и даже гроздь желтых бананов, продававшихся на каждом углу. Сначала он хорошо поел в гараже в одиночестве - Плешка уже куда-то уехал и около гаражей никого не было. После сухой еды появилась жажда, но он решил, что пива он выпьет потом, когда пойдет на базар. Напряженно думая об оружии, он решил наведать базар, где не был еще с весны. Не было денег, не было и нужды ходить на рынок. Теперь, когда у него кое-что появилось, он не стал тратить зря время. Оберегая болевшую руку, около часа он толкался среди торговых рядов, заваленных разными товарами - овощами, фруктами, едой, а также одеждой, разными мелочами и другим барахлом. Все, что продавалось, было разложено на прилавках, столиках, а то и на асфальте, на газетах или просто выглядывало из раскрытых хозяйственных сумок. Товару тут было не меряно, можно было найти все. Но товары его интересовали мало, его интерес лежал совсем даже в другом, и он понимал, что это самое другое на прилавке не увидишь. Он больше приглядывался к лицам - покупателей и продавцов, толкавшихся в тесноте, выбирал определенный тип - молодого, уверенного в себе человека, может "афганца" или "чеченца". Как раз у них можно было что-то раздобыть. Оружие или наркоту. Как-то еще зимой он приходил сюда с женой за картошкой и у одного чернявого кавказца приценивался к гранатам. Когда тот назвал цену, пошутил: "Ого, хоть бы "лимонки" были, а то..." "Это фрукты, а не "лимонки" - обиженно ответил продавец, - "Лимонки" дешевле будут." "А что, есть и "лимонки?",- в шутку поинтересовался Ступак. "Найдем, если нужно".хитровато подмигнул кавказец. Но тогда "лимонки" были Ступаку ни к чему, но вот сейчас... Однако же, как обычно, то, что надо, в продаже нет. Даже на базаре.

Долго и бесполезно он шатался в шумной толпе, так и не увидев ничего подходящего. Спрашивать у кого-либо, он не осмелился, понимал, чувствовал, как много тут шастает топтунов, переодетых милиционеров, кэгебешников, людей из службы охраны, которыми нынче кишели улицы, вокзалы, да и базары тоже. Может, и обрадовались, если б узнали, что рядом с ними шляется киллер, оружие ищет. Хотя и без этого можно было влипнуть за здорово живешь, если б опознали в нем участника вчерашней стычки. Но пока что не узнали, может, там, на проспекте не было его знакомых. Около пивного ларька он недолго постоял в очереди, выпил теплого пива, еле удержав кружку в поврежденной руке, болевшей не переставая, особенно в плече. Пьяниц тут было много, но это обычные любители дармовщины, пришедшие сюда с одной мечтой - захмелеть. Таких же, у которых можно было бы что приобрести, не попадалось. И он подумал, что не такое это простое дело, купить оружие. Пистолет или знаменитый АК. Весь мир завален этими "калашниковыми", с ними воюют целые армии, делаются правительственные перевороты, сбрасывают и усаживают диктаторов. А вот на его родине, когда понадобилось, так даже за баксы не найдешь. До чего ж отсталая страна, со злостью думал самодеятельный киллер.

Но, страна, может, и отсталая, но не были отсталыми спецслужбы, Ступак хорошо знал это. Потому даже не попытался спрашивать кого-либо о своей нужде и к вечеру вернулся домой. Двери трех гаражей были распахнуты, но машин перед ними не было, значит автомобилисты никуда не торопились. Двое из ннх, Сазон и молодой парень Алексей - стояли возле плешкиного гаража. Ступак осторожно подошел, кажется, помешал их беседе и подумал, а не про него ли они говорили? А может и не про него.

- Ну, Минкевич в бенеэфе, мужики говорили, - звучал из гаража голос Плешки. Двое других молчали. Промолчал и Ступак.

- То-то я смотрю, по-белорусски разговаривает, не понять ничего, - с чувством и осуждением сказал седой Сазон Иванович. - Нацдем!

- Разговаривает, как хочет, - отозвался Плешка.

- Э, нет, не как хочет. Это у них установка такая в БНФ, чтоб другие не поняли.

- Так ты же вот понимаешь. - выглянул из-за "запорожца" Плешка.

- Не понимаю и понимать не хочу! - отрезал Сазон. - Я русский человек и русским умру.

- Ну, а он, может, хочет белорусом умереть, - упрямо возражал Плешка.

Вообще-то Минкевич не был кому-то здесь другом, просто сосед, не больше и Ступак относился к нему безразлично. Но и Сазон не вызывал у него никакой симпатии, потому как был злой и упертый. Хотя в теперешнее время это не новинка, многие злились и раздражались, но все-таки как-то сдерживали себя. Сазон же открыто и громогласно жаловался на жизнь, на развал СССР, последними словами крыл "агента ЦРУ" Горбачева, частенько бегал в обновленный райком партии, где вовсю шла политическая суета коммунистов. Главными пропагандистами там были ветераны войны, пенсионеры и отставные чекисты.

- Придумали еще нацию - белорусы, - немного потише продолжал бурчать Сазон. Чтоб русским кислород перекрыть.

- Но Минкевич же демократ, он не против других, - тихо отозвался Алексей, который до этого молча стоял рядом.

- Демократы! Дерьмократы проклятые, - смачно выругался Сазон. - Все за доллары работают. Под американский заказ!

- Не все, - стоял на своем тихий Алексей.

Ступак повернулся и пошел на двор. Он нарочно не принял участия в этом разговоре. Раньше, может быть, что и сказал, но не теперь. Сейчас у него были дела поважнее, чем драть горло в споре с этим замшелым большевиком, он не хотел раскрываться до поры до времени. А может, наоборот, надо было маскироваться, поддакнуть этому Сазону? Но такое лицемерие было не по душе Ступаку, опять же не хотелось обидеть Алексея, который нравился ему не характерной для нынешней молодежи скромностью. Вот таким же скромным был и его дед, после смерти которого и перешел внуку проржавевший гараж. Это был славный старик, бывший партизан-подрывник, имел много наград, которых, кстати, никто на его груди не видел. Однажды, в День Победы, кто-то его спросил, почему он не носит орденов, на что старик ответил: "На подушках понесут перед гробом". А получилось совсем по-другому. Пока дед болел, старший внук-наркоман успел продать все его ордена. Так и хоронили старика без единой награды.

Ступак знал, что в таких деликатных ситуациях лучше промолчать, хотя бы для перестраховки. В многомиллионных рядах сексотов немало и говорливых, и молчаливых, наглых и скромных, глупых и очень умных - самый широкий выбор. Навербовали за семьдесят лет. В их полку перед отправкой в Афган чуть ли не всех по очереди перетаскали в хитрый домик, что размещался между казармой и уборной - немного, правда, в сторонке, для комфорта, чтоб не очень воняло. Хотя там стояла вонь другого сорта. Так на кого же можно положиться?

Днем в гараже было очень жарко, зато ночью и утром - в

самый раз. Лежа в тишине на раскладушке, Ступак иногда жалел, что совершил эту авантюру продал гараж, который оставался его единственным прибежищем. Но что-либо переиграть было поздно. Первую сотню баксов он потратил большей частью на еду, но все время думал о главном - как раздобыть оружие?

На городской окраине рядом с железной дорогой когда-то стоял большой гарнизон - армейская учебка, казармы и полигон, там новобранцем и начинал свою службу Ступак. Недалеко от проходной всегда толкались солдаты, офицеры и прапорщики, среди которых когда-то было немало знакомых. Особенно среди прапорщиков. Но это ж когда. Теперь же, после сокращения армии, развала СССР и всего остального вряд ли кто из знакомых остался. И все же, не придумав ничего лучшего, Ступак решил проведать эту городскую окраину. Не очень приветливым утром, после ночного дождя, и асфальт еще не просох, он сел в троллейбус, доехал до кольцевой дороги. Потом пересел в автобус, который довез его до знакомой остановки. Удивительно, но и через десять лет тут мало что изменилось. - так же вдоль шоссе тянулась бетонная стена, из-за которой несмело выглядывали верхние этажи казарм, алели пятиконечные звезды на широких воротах проходной, стоял часовой с "Калашниковым" на груди. (Вот ему бы такой автомат, хоть с одним магазином). Время от времени к проходной и из нее торопливо приходили и уходили офицеры, солдат не было видно. Как не видать было и ни одного прапорщика - вывелись они в белорусской армии или как? Спрашивать кого-нибудь из офицеров он не решился, а вот с прапором, может, и поладили. Потом отправился вдоль ограды, надеясь найти какую-нибудь дыру, глядишь, и на самовольщика наткнулся бы, но все зря. Постоял на остановке, пока не пришел автобус, обошел ряд ларьков со всякой всячиной. Ничего интересного ему на глаза не попалось, и он вернулся в город..

Оружия у него не было и пока неизвестно, где его взять, а в голове уже прокручивался тот самый важный и решающий момент, к которому он готовился. Он знал, что будет непросто, даже сложно, и очень опасно. Но, если сделать все хорошо продумав, быстро и решительно, так очень даже возможно. Главное подловить момент, - на дороге, на улице, а лучше, если выйдет из машины. Выходит же он около своего дворца или где-то там на предприятиях, на стройке, куда он шастает время от времени. Или еще - на спортивных комплексах, где он частый гость и участник, так как очень уважает спорт, заботится о своем здоровье. Вот если бы там подловить...

Рука стала болеть меньше, правда еще отдавало в плечо, когда резко поднимал локоть. Жалко, время шло, деньги таяли, а

проку пока от них не было никакого, все уходили на пропитание. Ночью ему часто снилось нечто из его дневных переживаний, только его противник был похож на медведя - толстый и косматый. Ступак целился в него из пистолета, но пальцы словно немели, он не мог нажать на спуск, а чудище приближалось.

Тогда он бросался бежать, а ноги становились ватными, он не мог бежать, а чудище уже было рядом. Когда гибель была почти рядом, сюжет сна изменялся, правда, тоже был мало приятный, хоть и не такой страшный. Ночью он часто просыпался в своем металлическом убежище, особенно, когда во двор въезжала машина и фарами светила сквозь гаражные щели около дверей, тогда вспыхивала тревожная мысль: уж не за ним ли? Может, что разнюхали? Со времени того памятного шествия, когда его побили, узнали что-то и приехали его брать. Тогда приходило сожаление и злость на самого себя, что не успел уйти вовремя, промедлил, прошляпил. Время, однако, шло, а к нему никто не наведался и это обнадеживало. Может, все-таки они его проворонили.

Зато не проворонили других, должно быть работали вовсю, не зря ели свой милицейский хлеб. Как-то утром, когда он еще валялся на своей раскладушке, в дверь тихонько постучали - раз, потом другой. Он подхватился, подумал, не дочка ли, которая еще ни разу не приходила к нему в гараж. Но это была не дочка - у двери, стоял Алексей. Парень вежливо спросил:

- Слышали новость?

- Какую?

- Минкевич гараж продает. Вместе с машиной.

Алексей оглянулся и переступил порог гаража.

- Оштрафовали. За демонстрацию. На шестьдесят миллионов.

- За ту самую?

- Ну. Был организатором от БНФ. Задержали, суд и вот - штраф.

- Ничего себе! Шестьдесят миллионов...

Ступак, конечно, удивился и тихо порадовался про себя, что тогда ему посчастливилось неприметно вырваться из рук омоновцев. Все-таки афганец, кое-какой опыт есть, не то, что у этих штатских. Хорошо и то, что он вообще не связан с БНФ, это давало ему некоторую уверенность. А этот Алексей все-таки симпатичный парень, не болтун, может с ним стоит посоветоваться про задуманное? Ну, уж нет, размышлял Ступак. Только то и есть тайна, если о ней знает лишь один человек. А если два, считай, что и тайны никакой нет. Это он знал хорошо. А может, надо было бы связаться с Минкевичем? Все-таки бенеэфовец,, так, следовательно, не сексот, не побежит вечером

на доклад к "куму". А, может побежит? Что в БНФ нет сексотов? Поленились и не навербовали? Нет, эти не ленятся.

В то утро шел дождь, было прохладно и Ступак, притворив железные двери, проводил время в полудремоте. Самый раз было выпить, но водки не было, а идти под дождем в гастроном без зонтика ему не хотелось и он злобно подумал про жену-паскуду, которая выгнала его из дому и даже не выбросила вслед за ним одежду. Он же ушел из квартиры, которую ему дали, как воину-интернационалисту, а она чем отблагодарила?

Хоть бы дочку прислала его проведать, так нет же, держала в своих когтях покорную девочку, запугала ее отцом-зверем, который вот уже который месяц живет точно, как зверь, в этой железной берлоге. Хорошо, если он настоящий зверь. Он бы согласился стать зверем, если б было возможно. Зверю теперь лучше, чем человеку. Такое настало время.

Он сразу услышал, как загремел замок в гараже Минкевича. Ступак встал с раскладушки и вышел из дверей.

- Говорят, и вы продаете? - спросил, поздоровавшись.

Одетый в короткую джинсовую куртку Минкевич, из-под тонких очков взглянул на соседа.

- Приходится.

- Что ж так?

- Штраф платить.

- И большой?

- По минимуму. Двести минимальных зарплат.

- Ё мое! И будете платить?

- А что делать? Опишут собственность.

Минкевич сказал просто и спокойно, словно это было будничным, обычным делом, как будто даже и не переживал. Может, переживания уже прошли? Распахнув настежь обе половинки ворот, закрепил их.

- Думаете откупиться штрафом?

Минкевич повернулся к нему и вздохнул.

- Штрафом, конечно, не откупишься. От этого режима ничем откупиться нельзя Надо народ поднимать, повышать его самосознание.

- Самосознание? Вы - самосознание, а он сто тысяч ОМОНа. Чья возьмет? - спросил Ступак и замолчал, ожидая, что на это ответит образованный доцент.

- Что ж делать, - отозвался тот после паузы. - Вообще-то демократия в борьбе с тоталитаризмом не имеет адекватных средств.

- Говно тогда вы, а не демократы, - тихо, без злости, сказал Ступак и пошел к своему гаражу.

Как поднимают народ, он уже видел, сам едва не очутился в роли поднятого, сначала вроде бы приятно, даже как-то празднично. А потом, когда по ним врезали резиновыми "демократизаторами", так этот народ, как стая воробьев, порхнул с улицы. Аж пыль пошла! На той стороне - сила, армия, милиция, КГБ, сотни тысяч сексотов, железные когти "вертикали". Кроме них еще суд, прокуратура и даже адвокатура, новый декрет о которой только что напечатали, все в его руках.

Тот короткий разговор с Минкевичем еще больше укрепил Ступака в его намерениях - только так, как он задумал можно что-то изменить в их безнадежном состоянии. На силу - нужна сила, на крик - еще больший крик. Иначе кранты всем - и бенеэфовцам, и афганцам, и коммунистам. Чтоб получить царскую власть он не остановится ни перед чем. А после царской захочется императорской и так далее вплоть до мирового господства. Нахальства у него хватит. Особенно, когда его поддерживают. А таких, впрочем, всегда поддерживают, потому что они - сила. Нет, надо от него спасаться. И он, афганец Ступак, спаситель, он сам себя назначил на эту роль. Ну и что ж, что сам? Спаситель-киллер, такого, наверно, еще в истории случалось. Он будет первым.

Однако оружия пока не было, а баксы в кармане таяли - через день пришлось менять и вторую сотню. Как он не экономил, стараясь есть реже, больше хлеб с салом, но цены в гастрономе каждый день подскакивали вверх. Люди даже стонали по утрам, увидев новые цены на хлеб, кефир, молоко, да и привозить их стали меньше, к вечеру все исчезало с прилавков, даже хлеб. Зато каждый вечер из распахнутых окон и форточек разносился по двору знакомый с хрипотцой голос, полный похвальбы, угроз оппозиции, проклятым бенеэфовкам, мешавшим ему осчастливить народ.Народ его всегда был славный, уважаемый и героический, всегда делал правильный выбор

И не допускал ошибок - вот и сейчас он не ошибся и выбрал единодушно самого мудрого руководителя. Однако эти приемы уже переставали действовать на большинство слушателей, и, если их еще что-то и радовало, так это очередные разоблачения в органах власти, снятие с постов и даже посадки в тюрьму высоких чинов. Но не надолго, жизнь не становилась легче и снова приходилось искать врагов, шпионов, известных эмигрантов и некоторых дипломатов-агентов ЦРУ. Соседи по гаражу уже не обсуждали его политику, а только ругались и даже твердокаменный коммунист Сазон Иванович тоже начал честить самого, хотя, возможно, что это из-за раскола его собственной компартии, две части которой затеяли свару между собой.

Плешка просто примолк и только уныло курил, когда однажды Ступак попробовал поговорить с ним, лишь махнул рукой - это ваши заботы. Мне уже того, не так много осталось...

Думая все время об оружии и приглядываясь к людям, знакомым и случайным прохожим, Ступак целыми днями шатался по городу, иногда забредая в центр к резиденции самого. Долго стоять или гулять на виду у одетых в штатское топтунов и милиционеров было невозможно, потому он с деловым видом шагал сначала по одной улице, потом по другой.

Подъездов там было несколько, везде торчала охрана - в милицейской форме и камуфляже, внутри, наверняка тоже были охранники, туда было не попасть. Но ходить вдоль улицы пока не запрещалось, и Ступак все прикидывал-думал, как бы подловить нужный момент. Однажды он угодил как раз в такой момент. Хоть и был с голыми руками, однако кое-что рассмотрел, идя от метро по улице вниз. Только миновал светофорный переход, как услышал резкий звук сзади - неизвестно откуда выскочили три одинаково черных автомобиля зарубежных марок, шустро подкатили к главному подъезду - одна поближе к дверям, другие - дальше, видно, чтоб прикрыть первую с улицы. С первых машин высыпались человек десять в камуфляже, с автоматами и сразу разбежались по сторонам ступенек. Одновременно из первой машины торопливо выскочил рослый человек в сером костюме и между рядами охранников стремительно бросился к дверям. Те, словно сами по себе, раскрылись и тут же захлопнулись. Все это заняло несколько секунд, пешеход Ступак успел сделать всего десять шагов.

Он разглядел не очень иного, но это было весьма полезное наблюдение, любой киллер многое бы понял. Прежде всего, то, что все делать надо очень быстро и нахально, не сдрейфить в самый последний момент, даже если самому не будет возможности спастись. Как он не сдрейфил под Кандагаром, когда другие струсили под душманскими пулями. За это он и получил орден. Жаль, что тогда не довелось свернуть с дороги, чтоб взглянуть на результаты своей работы - всех быстрей гнали вперед. За трофеями, как всегда, явились тыловики, говорят, хорошо там поживились. Отойдя несколько кварталов от резиденции, он зашел в овощной магазин. Тот был завален экзотичными фруктами - от бананов до авокадо. Он же хотел купить огурчиков, да только их не был, и он повернул назад. Только вынырнул из узких дверей магазина, как столкнулся с молодым мужчиной в модной нынче униформе цвета травяного мусора, с командирской портупеей на круглом животе. Ступак взглянул на его лицо и даже растерялся: это был Шпак, его

старый афганский знакомый, с которым не виделся наверно лет восемь.

- Ступак, привет!

- Привет...

Они отступили немного в сторону, чтобы не мешать прохожим, и Шпак придержал в своей его руку, чтоб показать - он рад. Эта встреча Ступаку была безразлична - что ему бывший сослуживец, разве мало их прошло за его жизнь, прошли, забылись и больше не встречались. Но Шпак, видно, думал иначе и не спешил расстаться.

- Смотрю, и сразу не узнал даже. Что-то похудел...

- А ты, я вижу, поправился, - сказал Ступак, оглядывая свежевыбритое лицо Шпака. Сам он не брился должно быть с неделю.

- Как живешь? Что делаешь? Может, предпринимателем заделался, бабки зашибаешь?

- Нет, не заделался. А ты? Вроде бы не служишь? - поинтересовался Ступак, посматривая на новую униформу, грубые ботинки на толстой подошве.

- Знаешь, служу, - сразу ответил Шпак.

- Вот как! - удивился Ступак. - В КГБ?

- Нет, не в КГБ, бери выше.

- Куда же выше?

- А есть куда. Слушай, ты это... Как твой телефон? Надо бы встретиться, поговорить.

- Телефон?, - сказал Ступак, ощущая неловкость при мысли о телефоне, к которому давно не прикасался. Но Шпак уже раскрыл свой кейс, приготовился писать в блокноте и Ступак назвал свой бывший телефон, которым теперь пользовалась его жена.

- Я тебе позвоню.

- Звони, если хочешь.

Они распрощались и Ступак пошел себе дальше, рассуждая про себя, что дьявол или судьба действительно все делят не поровну. Даже их, афганцев, что выжили в той десятилетней войне и вроде бы что-то заслужили, а теперь опять остались в разном положении. Он, орденоносец Ступак, вернулся на свой "почтовый ящик", вкалывать у станка, а этот прапорщик Шпак, что просидел в Кабульской комендатуре, смотри куда выскочил! Выше, чем КГБ. В ступаковом понимании выше, чем всемогущий КГБ, не могло ничего быть ни в армии, ни в мирной жизни, где комитет тоже безраздельно и тайно верховодил. Все армейское и гражданское начальство назначалось только им или с его согласия, обойти в жизни "органы" не было дано никому. Значит, прапорщик комендантской роты Шпак был им более приемлем,

чем прапорщик десантной роты Ступак, и каждый получил по заслугам. Такая вот афганская судьба. Ну, и пусть! Скоро станет известно, кто чего стоит, невесело утешил себя Ступак.

Его главная забота не отпускала его, он думал об оружии. Еще дважды сходил на базар, Однажды даже прошлялся там до закрытия, а потом еще ходил по задворкам, среди приезжих грузовиков и легковых машин, долго стоял у пивного ларька, для вида смакуя пиво. А сам слушал, приглядывался. У одного кавказца даже спросил, как бы в шутку, нет ли пушки на продажу? Тот испуганно шмыгнул в сторону - боком, боком и дальше. Может, попал на торговца наркотой и тот принял его за переодетого милиционера. Все это тоже было опасно, кавказцы могли и пришить по ошибке.

Вернулся с базара поздно, летнее солнце уже сползло за невысокие крыши хрущевок и весь двор тонул в глухой тени. Он тихо брел к своему гаражу, поглядывая на свои бывшие окна на пятом этаже, где теперь роскошествовала его жена-банкирша. Злости на нее у него уже не было, хоть и вставала порой старая обида - она с генеральным директором на мягкой тахте, с ванной и холодильником, а он ютится в тесном гараже, питается кое-как, за все лето не помылся даже под душем. Он заслужил собственной кровью эту квартиру, а ею задарма пользуется она. Где справедливость?

Еще издали он разглядел у дверей своего гаража девочку, дочку Леночку, стучавшую маленьким кулачком в железные двери, будто там кто-то спрятался. Когда он подошел, кажется, она не обрадовалась этой встрече и, чтобы скорее расстаться, сунула ему в руки помятую бумажку.

- Дядя сказал, чтоб позвонил.

На бумажке было семь цифр телефона и все. Ленка побежала к матери, а он стоял и думал, кто бы это мог быть? Вспомнил встречу со Шпаком - не иначе, как он. Значит, приспичило комендантскому прапорщику. Позвонить из автомата он не мог, нужна была магнитная карточка, которую Ступак принципиально не покупал, так как никому звонить не собирался. А домой дочка не приглашала, наверно, так распорядилась жена. Ну, что ж. после всего, что произошло, он туда и не пойдет. Уже смеркалось, когда возле гаражей объявился на своем "запорожце" Алексей. У него он позаимствовал на десять минут телефонную карточку и отправился к автоматам на улице. Не ошибся, это был Шпак, который, с привычным для таких людей напором, обрушил на него целый поток слов.

- Слушай, где ты пропадаешь? Дело есть, надо встретиться. Я к тебе подскочу, скажи только, в каком районе ты живешь?

- А что такое?

- Не телефонный разговор, нужно лично, куда подъехать? Я мигом, через десять минут буду на машине.

Ступак, без особого желания такой встречи, все же назвал адрес, сказал, что будет ждать во дворе. И правда, минут через двадцать с улицы влетел во двор стремительно, даже лихо, вишневого цветы "Пежо 605". С переднего сиденья шофера сквозь опущенное стекло выглядывала улыбающаяся физиономия Шпака.

- Привет! Иди, садись.

Ступак обошел машину и, легко раскрыв дверцу, опустился на мягкое переднее сиденье рядом с шофером. На заднем кто-то сидел, не сказав ему ни одного слова. Должно быть, слушал. Шпак был в том же камуфляже, только с погонами - короткими милицейскими погончиками на опущенных плечах, где неярко различались четыре звездочки - три вместе и одна выше, как бы отдельно. Это удивило Ступака - когда успел? Демобилизовались вместе прапорщиками, а этот, смотри ты, уже капитан. Капитан милиции. Почему же тогда он выше, чем КГБ? Может, заметив недоумение на лице Ступака, Шпак тем временем не стал ничего разъяснять, а повернулся от руля и добродушно улыбнулся.

- Ну, как живешь, дружище? Говорят, без работы, ага?

- Кто говорит?

- Люди говорят.

Значит, уже знает, подумал Ступак, начав кое о чем догадываться. Для начала - с кем имел дело. Начался другой, напористый разговор - что, где, чем занимался до этого, о заработках и деньгах, как дела в семье. Шпак спрашивал обо всем, а тот, что сидел на заднем сиденье, молчал, только внимательно, даже как-то отстраненно слушал. Ступак рассказывал скупо, ему не хотелось раскрываться перед бывшим товарищем и этим незнакомцем, и он все думал, куда Шпак гнет. Уж не пронюхали ли они о его намерениях? Может не только этот интерес был в голове у него, может за этим крылось что-то более важное. Так оно и оказалось. Выкурив три или четыре сигареты "Мальборо", гостеприимно угощая Ступака, Шпак, наконец, приступил к главному.

- Слушай, есть предложение послужить. Ты этого достоин. А что ветеран, афганец и так далее. Награжден боевым орденом за выполнение интернационального долга...

Дальше Ступак слушал невнимательно, с первых же слов он был оглушен послужить? Кому? Но кому, об этом можно было сразу догадаться. И в голову ударила рискованная мысль, а что? Может, и хорошо. Может, это как раз то, что ему нужно.

- Ну, так, ладно...

- Вот и хорошо. Считай, что договорились. А теперь жди, мы вызовем.

Давайте, вызывайте, зло думал Ступак, возвращаясь к своему гаражу. Может, дадите оружие, а это мне только и нужно. Зачисляйте в ОМОН.

Несколько дней прошли в напряженной, долгом ожидании. Обычно Ступак сидел или лежал в своем гараже за прикрытыми дверьми, сквозь щель поглядывая на двор - не появится ли там вновь Шпак. Вообще-то, должны были появиться, вызвать его или что сообщить. Ни о каком другом способе связи они не договаривались и Ступак считал, что используют уже известный.. Но время шло, бежали дни и ночи, а Шпак не появлялся, и никто от него не приходил. Может, передумали, размышлял Ступак, начиная сомневаться.

Он уже не хотел, чтобы те передумали, он же согласился, так как понял это наилучший для него вариант. Можно сказать, ему просто повезло, если все удастся. Вот только бы не разнюхали про его участие в шествии, в той летней демократической акции, или как там она еще называется. Но пока не было никаких признаков, он надеялся, что все так и закончится ничем. Гораздо хуже, что заканчивались деньги, который Ступак как-то забыл экономить и тратил все больше, чем меньше их оставалось. Он купил солидный круг колбасы, помидоров, даже пластмассовую бутылку масла и укромно ел все это с табуретки в гараже. Хотел купить автомат, а он, может, не нужен теперь, дадут казенный, а это какая экономия! Можно на харчи не скупиться. Поесть бы хорошо сегодня и завтра, а потом видно будет.

Однажды в дождливый выходной день гаражники не отправились на свои дачи, спешились со своих "коней", как сказал Плешка. У Сазона Ивановича был маленький автомобильный телевизор, подключавшийся к аккумулятору, и тот с утра трещал и выдавал разные роки и рэпы. Сазон ругался, но слушал, может потому, что ничего другого в эфире не было. Но вот зазвучал очень знакомый голос, и Ступак вышел из своего гаража.

На багажнике Сазоновой "волги" мигал бледный экранчик, на котором виднелись знакомые усы самого, то взирающего ястребиным взором, когда проклинал "вшивых блох" - предпринимателей, то одаривал всей сладкой улыбкой, говоря о самоотверженных "женщинах-труженицах" или патриотической молодежи, идущей толпой в его недавно созданный "лукомол". А потом его голос и вообще перешел на извинительный тон. Ступак прислушался, это уже было интересно. Оказывается, журналисты из России перешли границу - туда и назад, и теперь сидят в

тюрьме. Сам разводил руками, он и хотел бы их отпустить, но не имеет права, все должен решить суд, он же не может вмешиваться в дела правосудия. Такой вот бесправный начальник...

- Берии, Ежова на них нет, - сокрушался Сазон, перебирая на низком верстаке подшипник. Плешка тоже подошел поближе и добродушно заметил.

- Так и на Берию с Ежовым нашлась управа.

Это был явный намек, Сазон обозлился на соседа - он был просто разъярен.

- Управа? Да! А порядок был. Через границу, как зайцы не бегали. Граница была на замке. А этим дали волю...

Здесь все знали, что Сазон был из чекистов, лет двадцать прослужил на границе и гаражники, особенно покойный дед Алексея, звали его Карацупом. Потом перестали, когда узнали, что он вместе со всеми был приравнен к участникам ВОВ (Великой Отечественной войны). Раньше и Ступак что-нибудь сказал бы ему, но не сейчас, он не мог раскрываться до поры до времени. Тем более, когда началась эта игра.

- Это русские журналисты, - гнул свое Плешка. - Так как же ты против русских выступаешь?

- Я - против националистов!

- Белорусских? Или русских тоже?

Сазон на это ничего не ответил, только пробурчал что-то себе под нос. Наверно, этот вопрос был слишком сложным для простого сталинского пограничника, насквозь русского по национальности.

Наконец деньги у Ступака окончательно закончились, он доел в гараже засохший кусок хлеба и был голоден с утра. Занять у кого-либо уже не представлялось возможным, он и так должен был Плешке двадцать пять тысяч, Сазону, правда, меньше, но к Сазону он теперь не хотел обращаться. Оставалось спросить у молодого Алексея и Ступак с утра высматривал его. Да только Алексей что-то не появлялся, может, уехал куда, думал Ступак. Отлучиться в город он не решался, ждал, что должен же приехать к нему Шпак. Так и просидел до вечера голодный и очень злой - на себя, на жизнь, на весь белый свет.

На другой день, однако, вместо Алексея около гаража появилась его жена, маленькая худенькая брюнетка с маленьким сыном. Она выглядела заплаканной и принесла ошеломительную новость.

- Алешу арестовали.

- За что?

- Ну, прислали повестку из прокуратуры, что вызывают как свидетеля. Насчет того митинга. Он пошел и пропал.

Оказывается, его в прокуратуре и арестовали. Что теперь делать? - тоскливо спросила женщина.

Малец увлеченно теребил подол ее коротенькой, по моде, юбки

- Пусть не путается с бенеэфовцами, - сурово отрезал Сазон.

- Ничего, не плачь, - утешал Плешка. - В Хельсинкский комитет надо обратиться. Там хорошая женщина-адвокат есть.

Ступак ничего не сказал и, чтоб не травить душу, отошел в темный угол своего гаража. Он чувствовал, что никто ей не поможет, ни Хельсинкский комитет, ни адвокат, ни сто адвокатов, суд и закон были в его руках и свою политику он вел, как хотел - напролом сквозь закон и право, через судьбы людей, топтал конституцию и все международные соглашения. Остановить его может только сила. Да только где ж она, эта сила?. Откуда было ее взять? Темный забитый народ только и знает смотреть в его хитро-блатные глаза и поддерживать все, что он ни скажет. А стоит кому-то из-за границы заступиться за невинные жертвы, помочь деньгами, как тут же - разнузданный поток грязи в газетах и по телевизору - заговор, происки ЦРУ, наступление НАТО на восток. Где-нибудь зашевелится горстка оппозиции, самые смелые из которой хотят сменить власть, так искалечат жизнь и им, и всем родным. На что ж надеяться?

Но через месяц после приезда Шпака в жизни Ступака все переменилось забурлило, засуетилось, словно на пожаре. Утром, только он побрился перед осколком зеркала, в дверь громко застучали, перед гаражом стояла его жена, которую подняли с постели.

Ступак открыл дверь и увидел ее в симпатичном домашнем халате, рядом стояли двое в камуфляже, позади чернела правительственная "волга". Его посадили на заднее сиденье и молча повезли куда-то сначала по городу, а потом в пригород. Провезли мимо каких-то дачных строений по лесу или через парк, подъехали к особняку с колоннами. У Ступака неприятно заныло в груди куда ж это его? Или пронюхали что-то? Наверно нет, но судить по хмурым лицам его спутников и тех, кто ему попадался навстречу, ничего было нельзя, эти умели все хранить в себе. А может, у них нечего хранить-то было - подумал Ступак. Зато сытое, как у Шпака, лицо нестарого еще полковника светилось приветливостью.

- Садитесь, товарищ прапорщик, Ступак, кажется? - спросил полковник и для уверенности заглянул в бумажку на столе. - Как живете? Как здоровье?

- Ничего. - сдержанно ответил Ступак. Он хорошо знал, эти всегда так начинают разговор - про жизнь, здоровье, будто их это

сильно волнует.

Разговор, однако, выдался долгим - о жизни о политике, внутренней и внешней, коммунистов и демократов. Судя по всему, поговорить полковник любил, к тому же имел уйму времени. Ступак старался больше слушать, на вопросы сдержанно отвечал, соглашаясь или нет. Кажется, его собеседника это удовлетворяло. Как можно было понять, того больше всего интересовало отношение Ступака к оппозиции, которая "бешено рвется к власти". А также тот факт, что НАТО недвусмысленно "продвигается на восток". Ступак мямлил в ответ, что мало в этом понимает, а сам думал - в гробу я видел это НАТО вместе с тобой. Однако вслух не сказал ничего, даже побаивался, вдруг полковник поймет его крамольные мысли. Но не понял, видно, так как в это время вдохновенно рассуждал, как важно противостоять сегодня агрессии западного капитала и беречь свою отчизну. Что он под этим имел в виду - СНГ, Беларусь, бывший СССР, осталось неизвестным. Потом Ступак полдня просидел в особом кабинете - заполнял анкеты. Они шли по четыре штуки сразу, на нескольких страницах, и он даже вспотел, подробно отвечая на десятки вопросов - от первого про имя-отчество, до имен родителей, месте их рождения и смерти (где и когда умерли, где похоронены, номера их могил). Живого отца Ступак подробно аттестовал, как бывшего партизана, награжденного орденом, а мать... Она умерла, когда он был в Афгане. Сестра Алена жила под Москвой, да только он не знал, где точно (не то в Жуковском, не то в Черняховске) и думал, как написать лучше? А если не знаешь, так совсем не писать? Но тогда могут придраться, что скрываешь. И он написал первое, что пришло в голову город Зеленогорск, улица Космонавтов, 10, квартира 20. Потом, в другом кабинете оформлял подписку о строгой секретности - это уже было, как он догадался, по линии безопасности. Хотя брал подписку лысоватый человек в модном двубортном костюме с очень аккуратно завязанным галстуком, а важности в нем было больше, чем у того полковника. Как-то сдержанно, словно испытывая его реакцию, человек бросил в лицо только одно слово "музыкант", и Ступак понял все. Когда-то ему прилепили эту кличку в очень секретном отделе перед отправкой в Афган. Правда, с того времени ему никто о ней на напоминал, и он уже думал, что про него забыли. Нет, не забыли. А вообще, теперь от него ничего и не требовалось, играть с ними в их секретные игры было просто, пусть потешатся. И он все подписал.

Примерно к полудню все бумаги были оформлены, их забрала красивая, в милицейской форме, девушка с очень

суровым взглядом и двумя звездочками на погонах. В последний момент он успел подмигнуть ей, но та и бровью не повела, сложила его бумаги в шикарную зеленую папку и замкнула в сером сейфе в углу. Значит, будет храниться вечно и секретно, подумал Ступак. Потом белобрысый милицейский сержант повез его куда-то в город. Еще издалека он узнал здание МВД. "А это зачем? - спросил Ступак. "А медкомиссия!, - просто ответил белобрысый шофер и хихикнул. - Проверка на СПИД".

Вот это уже мало понравилось Ступаку, точнее, совсем не понравилось. Какого черта, - думал он, теряя всякий интерес к обследованию собственной особы. Что, он им служить собирается? У него совсем другая цель, ему бы только добраться до оружия. Может, дадут "стечкина" или "калашникова" и он подкараулит нужный момент. Собственное здоровье его мало интересовало, пусть и они не волнуются о нем.

Но других это очень волновало. До темноты его водили из кабинета в кабинет, с этажа на этаж, просвечивали его внутренности на мигающих мониторах. Но все было в норме, давление, сказали, как у юноши, и даже похвалили. "Алкоголь употребляете? - расспрашивал строгий доктор, под халатом которого просвечивали твердые погоны. Ступак с наивным видом покачал головой: "Ну, что вы!" Хирург задержал на нем свой пронзительный взгляд, когда увидел синеватую отметину на плече. "Что, огнестрельное?" "Афган" коротко ответил Ступак. "А это ушиб?" - доктор довольно грубо ощупал след от недавней омоновской палки. "Упал..." "По пьянке?" - ухмыльнулся доктор. Ступак оставил это замечание без ответа, но, кажется, они друг друга поняли. Дальше были кардиограммы с проводами, опутавшими его руки и ноги, окулист со своей таблицей на стене, и, наконец, долгий разговор с психиатром. Единственное, что Ступак запомнил из этого разговора, настойчивые вопросы про выпивку, наркоту. Ступак решительно отвергал и то, и это, отвечал, что вообще ни-ни, вспоминая при этом, как в том же Афгане, не один раз кайфовал от анаши. Жалко, что бросил. Может, легче бы сейчас было, неожиданно подумал он, сидя перед хитрованом-психиатром. Но, кажется, состояние его здоровья врача удовлетворило. А его - тем более.

До своего гаража он доплелся, когда уже совсем стемнело, рядом во дворе уже зажегся фонарь, засветились окна в хрущевках. Он знал, там теперь все уткнулись в свои заветные ящики - кто в музыкальные шоу, смотреть на кривляк-танцоров со шнурами в руках, а большинство, наверно, в очередной номер самого. Почти каждый вечер он выступал со своим гипнозом - то угрожающе строго, говоря об оппозиции, получившей от ЦРУ

задание убить его, то щедро одаривая всех белозубой улыбкой из-под шикарных усов, когда обращался непосредственно к телезрителям. Особенно женщин, которых никогда не забывал, слава Богу, просить поддержать его в святой борьбе за благосостояние народа. Слушая его льстивые обороты речи, женщины были готовы на все, что хочешь, ведь до него никто так к ним раньше не обращался. И уж особенно, никто из больших начальников, не говоря уже о собственных мужьях, не признававших в жизни ничего, кроме бутылки. Мужчины не любили политику, она интересовала их все меньше и меньше, чем хуже и хуже жилось.

Зато она теперь захватывала женщин, и конечно, потому, что теперь в политике верховодил он - такой выдающийся, вежливый, почти что не женатый, он являл собой несбыточные женские мечты о мужчине-кавалере, мужчине-лидере. И выигрывал. Ну, да осталось недолго.

Так думал Ступак, злорадно ожидая, когда его вызовут снова. Должны же они позвать, он уже сам хотел этого. Хотя бы потому, что еды совсем не было, два дня назад одолжил несколько тысяч у бывшего соседа по квартире, подкараулил его у дверей подъезда. Прежде чем дать ему пятерку, сосед долго плакался на жизнь, маленькую пенсию, ленивую дочку, не желающую работать и живущую за его счет. Ступак пообещал, что скоро получит зарплату, рассчитается. И опустил вниз глаза, смотреть на старика было стыдно.

На этот раз его наведал сам Шпак, на том же самом вишневом "Пежо", в камуфляже, однако уже с погонами майора на широких плечах. "Быстро, однако, у них растут кадры - с неожиданной завистью подумал Ступак, усаживаясь рядом с бывшим коллегой-прапорщиком. Майор начал рассказывать ему, как много приходится трудиться (работа же не нормированная), как трудно и опасно, однако почетно и ответственно. "А как зарплата? - Ступак поинтересовался тем, что больше всего его заботило. "Зарплата неплохая. Тебе такая и не снилась. - сказал Шпак. - Для начала три миллиона, ну, подъемные и так далее. Не пожалеешь".

Ступак внутренне порадовался, хоть и не подал вида, да, правду говоря, слабо в это поверил, вспомнил доцента Минкевича с его шестьюдесятью миллионами. Может, майор Шпак и получает три миллиона, но он-то всего прапорщик.

- Жить пока будешь в офицерской гостинице. А там посмотрим, - сказал Шпак, когда они подъехали к бетонной стена и проходной со шлагбаумом.

Это была или омоновская база или еще что-то. Несколько

часов Ступак с такими же, как сам, новичками, молодыми ребятами со свежими розовыми лицами, обмундировался на забитом ящиками и тюками вещевом складе. Ему выдали целую кучу одежки - зеленую и пятнистую, цвета травяного мусора, праздничную и обыденную, крепкие грубые ботинки, пилотку, берет, теплую куртку и тельняшки - аж три штуки и здоровый кусок бязи на портянки. Как в армии. Только там так много сразу не давали, экономили. Парням, что переодевались вместе с ним, понравились ремни. "Офицерские", - с удовлетворением отметил один, немного постарше других. Ремни и вправду были отличные - из толстой прошитой кожи с настоящими пряжками, не то, что с бляхами в армии. Ступак переоделся во все новое, со свежим приятным запахом, свои вонючие трусы, оглянувшись вокруг, запихнул в сверкающую урну, потом его повели через двор в офицерскую гостиницу.

Первый раз за лето он с удовольствием разлегся на чистой новой простыне, уложил свои похудевшие плечи на хорошей подушке. Завтра сказали постричься, ладно, постригусь. И еще сказали, усы можно не сбривать, тот усатых уважает. Другая кровать в комнате была так же аккуратно застлана, вероятно, кого-то ожидала. Может, тоже новенького.

Служба расширялась, комплектовалась, совершенствовалась - как и должно быть при сильной власти. Забавно было Ступаку еще раз переживать то же самое, что и в его армейской юности, в Афгане, и потом.

Уволившись семь лет назад, он думал, что пережитое уже никогда больше не повторится. А вот же, обещает повториться, хоть и на другом витке жизни. Уж очень все похоже. Как к этому относиться, он порой просто не понимал. Но чувствовал, что будет сытым, ухоженным, а там... А там посмотрим, как оно сложится, думал Ступак.

Сбылось то, о чем он думал. Назавтра он хорошо позавтракал на первом этаже омоновской столовки, съел пару котлет, макаронную запеканку, выпил стакан ряженки и еще - сладкого чаю. Будто бы на курорте или в доме отдыха. Вокруг него, с куда как меньшим, чем у него аппетитом, завтракали за столами другие омоновцы, молодые ребята с сержантскими погонами на плечах. У него пока погон не было, и это немного тревожило. Все-таки, в армии или милиции все должны иметь погоны, которые обозначали статус каждого. Без погон ты никто. Просто гражданский человек, не более.

Три следующих дня посвятились занятиям - в классах, на плаце, как когда-то в армии. Разве что, кроме теории, их учили, как отбивать нападения демонстрантов, нападать самим,

строиться и перестраиваться в шеренги и цепи. Изучали также возможности всяких слезоточивых и боевых газов - в баллончиках, дымовых шашках, гранатах. В программе также значились новейшие секретные способы борьбы с террористами, экстремистами, радикалами. Ступак слушал все не очень внимательно, словно во сне, возможности химических средств ему были ни к чему, его интересовало оружие. А про оружие, почему-то, разговора пока не заходило. Только потом он понял, почему.

Почти все парни-омоновцы, кто раньше, кто позже, служили в армии и оружие знали, стреляли не раз из АК и пулеметов, это не было для них в новинку. Их здесь готовили к чему-то новому. И они ждали этого нового.

Но однажды их, еще безоружных, подняли по тревоге на рассвете, приказали разобрать боевое снаряжение - белые щиты, шлемы, надеть тяжелые бронежилеты, взять палки - и скорее на посадку в "камазы". Еще толком не развиднело, они уже куда-то ехали, останавливались, поворачивали назад, словно запутывали следы от врагов, и только около десяти часов выгрузились около резиденции самого. Тут уже был майор Шпак, куча других майоров и полковников, омоновцев выстроили в три шеренги, как тогда летом, когда он попал в переделку. Как бы снова не угодить, думал Ступак, оказавшись в первом ряду. Как и все, он стоял плечом к плечу с соседями, молодыми ребятами, держа около ног легкий дюралевый щит, с резиновым "демократизатором" в правой руке. Плечо почти перестало болеть, и он, чтобы убедиться в этом, помахал перед собой палкой и притих. Какое-то время на улице было почти пусто, движение транспорта остановились, проспект перекрыли с двух сторон. Вокруг было спокойно и тихо, если б не тревожная взвинченность начальства, как угорелое носившегося перед омоновцами, многие бегали к черной "волге", притаившейся сзади здания. Все ждали.

Около десяти часов вдали на улице появились демонстранты. Сначала стали видны над их головами бело-красно-белые флаги на высоких легких шестах, плакаты, потом - передние шеренги молодых мужчин и девушек, с песнями неторопливо шагавшими по проспекту. Некоторые вели с собой за руки детей. Ступак попробовал прикинуть, сколько же их там было, хотя бы приблизительно, но смог. Было очень много. Тысячи. Увидев преграду поперек проспекта, демонстранты энергичней замахали флагами, донеслись крики "Позор!" "Предатели!", "Гестапо!". Кто-то из начальства угрем закрутился перед шеренгами. "Они нас оскорбляют", - пронзительным голосом крикнул он омоновцам. Ступак внутренне хмыкнул, переборов, однако, легкий страх.

Ему сделалось как-то не по себе. Кажется, стычки им не избежать, как бы не получилось еще хуже, чем летом. В это время сзади прозвучала команда, все в шеренге опустили на лица прозрачные защитные козырьки - подготовились. Демонстранты тем временем подошли ближе, стали хорошо видны передние молодые мужчины, ребята и девушки, взявшись за руки, как и раньше, медленно приближались. В самой середине колонны под большим крестообразным штандартом шагал высокий худощавый человек с лысоватой головой и впавшими щеками. Это был знаменитый Зенон, которого Ступак как-то видел весной на митинге. Когда они подошли еще ближе, сзади за ОМОНом грянула еще одна команда. Все три омоновские шеренги взорвались железным грохотом, заглушившим все на улице. Ступак вместе со всеми ошалело колотил по щиту резиновой палкой и внутренне насмехался над демонстрантами. Испугались они или нет, неизвестно, но пройдя еще немного, шествие остановилось. Вперед с мегафоном вышел Зенон.

- Господа полицейские!, - мощно зазвучало из мегафона и тут же заглохло в еще более сумасшедшем грохоте ОМОНа. Лидер БНФ несколько раз пытался обратиться к ОМОНу, но никто не хотел его слушать. Тогда из передних рядов демонстрантов, на которых напирали задние, начали выскакивать отдельные люди, молодые ребята, махая руками, они что-то пытались объяснить омоновцам. Зенон бросился к ним, чтобы остановить и вернуть назад в шеренги, превратившиеся в крикливую толпу, которая теперь никому не подчинялась. Задние напирали на передних, некоторые на правом фланге уже столкнулись с омоновцами. Послышались крики, через минуту шеренги окончательно сломались, их фланги уже перемешались с омоновцами. Грохот палок по щитам невольно прекратился - начиналась стихийная потасовка. Туда бросились начальники с мегафонами, зазвучали угрозы и ругань. Там же Ступак рассмотрел широкие плечи Шпака, который тоже командовал, кричал, угрожал. Нескольких ребят с плакатами омоновцы захватили в свою цепь, тогда демонстранты стали отбиваться тем, что держали в руках. Омоновцы не отступали, стараясь удержать шеренги и не нарушить строй. Но это плохо им удавалось - в нескольких местах стройные ряды искривились, группа омоновцев сама оказалась в окружении демонстрантов. Молодых людей, оторвавшихся от шествия, омоновцы прижали к стене здания, но те не сдавались. Над головой Ступака мелькнуло древко флага, может, пытались ударить кого-то позади него, и Ступак, выпустив палку, ухватился за легкое полотнище, рванул вниз, ткань наполовину оторвалась, тогда он рванул еще раз и оторвал ее всю.

Стычка, однако, не развивалась. Зенон, наконец, докричался до своих ребят и те отхлынули. Нескольких все же перехватили омоновцы и милиционеры. Остальные отошли, стали поворачивать по проспекту назад, - видимо, решили поменять маршрут движения. Омоновцы немного постояли, по команде сошлись в круг, перекурили и разобрались по своим "камазам". Ступак понемногу успокоился, явная опасность миновала, но на душе было паскудно. Чувствовал, что влез не туда. Хотя, ничего он такого не сделал - только постоял в строю. Никого даже палкой не перетянул ни разу.

Через день это чувство бесследно исчезло. Он получил подъемные - аж девять миллионов "зайчиков", а перед строем - погоны с двумя звездочками стал лейтенантом. Полковник, начальник штаба, объявил ему благодарность за "успешные действия при отражении нападения экстремистов" и сказал, что лейтенант Ступак будет командовать взводом.

Что ж, взвод - дело нехитрое, он в Афгане уже командовал взводом, хотя был всего только старшим сержантом. Ощущая в карманах по две тугие пачки купюр, злорадно подумал о жене, которая вряд ли дождется такой суммы от своего гендиректора. А от вот имеет! Тогда же подумал, что, может, зря продал гараж, вполне может скоро понадобиться опять. Хотя, ведь не совсем продал, а задаток он потом вернет. Если, конечно, Волынец то того времени не сядет в тюрьму. Или его не подстрелят в подъезде. Жалко, однако, но, значит, такова его судьба. У каждого своя судьба. О своем навязчивом и страшном намерении он вспоминал все реже, от этого отвлекали ежедневные заботы. Опять же, оружия им все не давали, испытывали что ли? Ну и черт с ними, думал Ступак, зачем ему это оружие? Что он, не настрелялся в Афгане?

Он уже начал было мечтать, чтоб не давали как можно дольше, хоть бы месяца два, а он бы поправился на милицейских харчах, отлежался на белых простынях. А то и квартиру получил бы. На вечерней беседе с личным составом полковник сказал, что офицерам дадут квартиры или улучшат жилплощадь строится новый дом в престижном районе, недалеко от станции метро. Кто-то спросил, так он же для творческой интеллигенции, как писали в газетах. Полковник ответил, да, для творческой интеллигенции. Десять квартир писателям, а тридцать пять нам. Нас больше уважают, чем пьяниц-писателей, к тому же они все бенеэфовцы. Что ж, заиметь свою квартиру без этой сволочи Людки было весьма заманчиво, думал Ступак. Если б еще купить иномарку, такую, как у Шпака. А что, он не заслужил? Хоть бы в Афгане.

По вечерам в красном уголке, так у них называлась большая круглая комната, работал телевизор, а перед ним обычно сидели омоновцы. Больше всего интересовались московскими шоу, певцами и певицами, немного меньше даже новостями спорта. Но в нужный час телевизор переключали на местный канал и тогда все слушали и смотрели самого. Ступак также слушал и, что удивительно, теперь его выступления, жесты и облик самого не вызывали у него прошлого злого чувства, разве что - безразличие. О своем намерении он старался не думать, придумав себе оправдание - посмотрим. Поживем - увидим, как оно все сложится.

Как-то в выходной он решил наведать свою хрущевку. Надо было забрать партбилет (сказали, что будет хорошо, если он восстановится в компартии В какой из двух - его личное дело). А главное, ему нужен был орден, валявшийся в женином шкафу. Хорошо, что жены не было дома, только дочка, она показала шкаф, который теперь стоял в прихожей, а гостиная была заставлена новыми столиками и креслами от шикарного немецкого гарнитура. Дочка, без особой радости при встрече с отцом, похвастала, что мать теперь уже директор банка. Ступак тихо позавидовал жене, значит не всем худо, есть люди, которым и сейчас везет. Долго не задерживаясь в квартире, он нашел все, что нужно, и, выйдя из подъезда, повернул к гаражам под липами. Здесь его первым разглядел седой Сазон и сильно удивился его униформе.

- Вот и я когда-то... Такой молодой, подтянутый...

Вылез из-под своего "запорожца" Плешка, сдержанно поздоровался.

- Глянь-ка, лейтенант милиции! А нам и не сказал ничего, все в секрете. А сколько платят?

Ступак ему не ответил, действительно, пусть будет в секрете. Опять же, давал подписку недавно, уж и не помнил, которую за последнее время. Значит, надо было молчать.

- А где Алексей, - спросил он, разглядев два замка на дверях своего соседа.

- Эх, Алексей... Алексей уехал. - сказал Плешка.

- Куда уехал?

- Нам не сказал. В Германию или еще дальше. Может, в Израиль.

- Как в Израиль? - удивился Ступак,- Он же белорус.

- Он-то белорус, а вот жена - довольно сомнительных кровей, - туманно разъяснил Сазон.

Ступак промолчал. Ему было жаль Алексея, который однажды спас его от смерти. Если б на минуту позже, его бы не было здесь.

Ни здесь, ни в ОМОНе, подумал Ступак. И эти мужики не удивлялись бы его камуфляжу. А может, это и хорошо для Алексея. Если бы у него, Ступака, жена была не белоруска, он тоже бы уехал. В Израиль или хоть к самому дьяволу. А так - пошел на службу, продал душу этому самому дьяволу. Но, кто ж его знает, может так оно и лучше.

В тот же день вечером, едва он вернулся из города, дежурный сказал, что его вызывает подполковник Шпак. Ступак слегка удивился: почему подполковник? Недавно еще был майор, а теперь уже подполковник, не напутал ли дежурный? Нет, не напутал. В штабе его действительно ожидал бывший коллега, на погонах которого теперь сверкали две большие звезды.

- Лейтенант Ступак, приказано собрать вещи и в штаб. Через полчаса отъезд.

- Куда, - вырвалось у Ступака.

- К новому месту службы.

Вот тебе на - уже и новое место. Надо было бы удивиться, но Ступак перестал удивляться. Офицеры обступили Шпака, а Ступак пошел в гостиницу, собрал свое нехитрое барахло. Через полчаса его уже везли в закрытом "Урале" куда-то за город.

В кузове кроме него сидели еще три человека - все из ОМОНа. Они были мало знакомы Ступаку и он помалкивал. Довольно скоро, однако, машина остановилась, они вылезли. Вокруг, в вечерних сумерках стояли высоченные ели, а под ними широкие низкие строения - дачи. Это была, догадался Ступак, старая правительственная резиденция, и их привезли, чтобы пополнить личную охрану самого. "Во, попал! - снова удивился Ступак, еще не зная, радоваться этому или нет. Однако внешне он ничем не выдал своих мыслей, ничего не говорил, а только слушал и выполнял все, что приказывали, шел, куда вели. Снова были анкеты, подписки, даже принятие секретной присяги. Все это он делал машинально, как безвольный зомби, свои давние намерения он задвинул вглубь памяти и только немного тревожился, как бы об этом не узнали. Через несколько дней их вооружили, чему он не успел порадоваться в ОМОНе. И не какими-то хваленными кочергами АК, которые отбивали плечо при стрельбе и здорово мешали на марше, а новенькими коротышками "узи". Очень приятные автоматики, словно сами просились в руки, и абсолютно не мешали - хоть на плече, хоть на груди. Бьют, сказали, за двадцать метров в воробья при нулевом рассеивании. Ступак старательно вытер излишек смазки с вороненого металла, взвесил на руках в собранном виде и остался доволен. Это вполне может пригодиться. Забот на новом месте службы было немного, некоторые уезжали куда-то на время,

возвращались и молчали.

Политобработка, заметил Ступак, велась очень интенсивно, регулярно, коллективно и индивидуально. Днем и, особенно, вечером всегда куда-то по одному вызывали, что-то выясняли, с другими долго разговаривали. Так старательно не обрабатывали их даже замполиты в армии. Но, тут была не армия, даже не ОМОН. Бери выше. Они - элита безопасности, как сказал полковник, лучшие из лучших. Личная охрана. Хотя того, кого им предстояло охранять "вплоть до пожертвования собственной жизнью", они пока не видели. Ни вблизи, ни издалека. Чувствовали, что он где-то здесь, рядом, в этих постройках-дачах, но где конкретно - не знал никто. И никто ни у кого об этом не спрашивал, - было запрещено. Вообще это было подразделение молчунов. Они молчали с начальством, молчали в строю, молчали в столовой и на отдыхе. Молчание начинало угнетать, но Ступак думал - ну, и пусть! Чего-нибудь он все-таки дождется. Обидно, что негде было выпить. И это при том, что денег уже набрались полные карманы, несколько пачек "зайцев" он засунул в тумбочку, прикрыл газетой и никто их не тронул. У всех денег хватало. Зато не хватало времени, чтобы их хоть как-то реализовать, изоляция была полной. Словно в тюрьме. Может, это была плата за сытую жизнь и непыльную работу. Плата свободой. Но что поделаешь - в этом мире за все надо платить. Заплатит и он.

Однажды утром их построили в спортзале, всего человек тридцать, что составляли теперь ядро группы "Альфа", как их уже окрестили. Сказали, что пока только тридцать, а будет триста, ибо надо укреплять щит и меч руководителя страны. На этом построении собралось чуть ли не все начальство во главе с главным полковником - мощным бугаем, поверх формы носившем кожаное пальто - для маскировки. Кстати, так ходил не он один, другие тоже маскировались, или что? В строю стояли почти час, начальство осматривало обмундирование, подворотнички и обувь, проверяли, все ли хорошо побриты. Никто ничего не говорил, но все начинали соображать, не появится ли сам?

И действительно - толстый полковник рявкнул команду и из бокового входа появился сам. На этот раз также в камуфляже, новеньком и аккуратном, хорошо подогнанным к его рослой спортивной фигуре. Негромким, каким-то теплым, даже домашним голосом он скомандовал "вольно" и подошел к правому флангу, где стояли самые высокие, наиболее физически развитые ребята, начал здороваться со всеми за руку.

Это было что-то новенькое - такой большой начальник здоровался с каждым лично. Все они, словно очарованные,

преданно смотрели в его хитровато улыбающееся лицо, на котором не было и следа от его недавней телевизионной суровости - только теплота и внимание. Когда очередь дошла до Ступака, показалось, что он с каким-то особым чувством взглянул в ступаковы глаза, словно проникая в самую глубину души. Пожатие было сильным, Ступак ответил таким же, и почувствовал, что тот доволен. Пожали друг другу руки, как надо - по-мужски. По-армейски. Сейчас они оба были армейцы, хоть тот вышел из милиционеров. Так и Ступак ведь теперь тоже.

Обойдя строй, он вышел на середину зала и начал говорить. Говорил негромко, тихим сипловатым голосом и, в пяти шагах от Ступака, выглядел вовсе не молодым, скорее пожилым и утомленным. А говорил о том, что сильно надеется на службу безопасности, к которой они теперь имеют честь принадлежать, что она главная его опора, для них он не пожалеет ничего и будет заботиться о каждом, как родной отец. Если у кого есть какая-либо нужда, пусть приходит к нему запросто и рассказывает - он все сделает. Он всех любит, как отец своих детей, у него нет никого, кроме ребят из службы безопасности, да еще народа, который выбрал его на этот высокий пост. Что народ - главная его забота и главная любовь, особенно такой народ, как наш, страдающий во все времена, это он знает, как профессионал-историк. И этот народ заслуживает лучшей доли, чем та, которую ему навязывают изменники-националисты, все эти поздняки, шарецкие, карпенки, давно продавшиеся ЦРУ и другим зарубежным спецслужбам и теперь разрабатывающие самые хитроумные планы, чтобы физически уничтожить его и оставить сиротой любимый белорусский народ. Потому главная его надежда на них - гордость его безопасности, в руках которой его жизнь и будущее народа. Ступак немало слышал в жизни разных агитаторов-пропагандистов, в том числе и в армии, и никогда не воспринимал их всерьез, всегда слушал одним ухом. Не хотелось верить и этому. Но какая-то непреодолимая сила мало-помалу заставляла его прислушиваться. Прежде всего, хотелось, даже помимо воли, во все это поверить. Так сердечно все это было сказано, что закрадывалась мысль, а ведь как трудно быть руководителем такого масштаба, как все это опасно и ответственно.

С этой мыслью Ступак и стоял в строю, слегка задумавшись, так что не заметил, как речь перешла на афганскую тему, и аж вздрогнул, когда тот, поглядывая в его сторону, сказал:

- Вон пусть скажет Саша Ступак, он участник, отмеченный наградами. На своих плечах вынес груз дружбы с братским афганским народом....

Чувство восхищения кольнуло Ступака - глянь ты, он знает! Знает про Афган, даже называет меня по имени, чего не случалось со Ступаком даже в армии, даже в Афгане. Необычайный, удивительный человек, смешавшись, думал Ступак. Не сказать, однако, что эти слова очень уж обрадовали его,взволновали, это точно. И он, задумавшийся, пошел в курилку, когда все закончилось, а строй распустили. Он никому не мог рассказать про свое впечатление от этой встречи, да тут никто об этом не говорил ничего, все молчали, только внимательней приглядывались один к одному, словно молча спрашивая, ну, что? Ну, как? Молчаливые вопросы без ответов.

Неожиданно наступил момент, о котором Ступак столько раз думал когда-то, к которому все время невольно готовился. Случилось это, как и многое в его жизни, неожиданно, спонтанно, самым роковым образом.

Утром, еще до завтрака, к их лесному жилью подкатили сразу три черных "лендровера" и они шустро, как мыши в нору, вскочили внутрь в своем пятнистом камуфляже с новенькими, еще пахнущими смазкой, "узи". Под командой незнакомого подполковника в кожаном пальто быстро подъехали к проходной номерного завода на городской окраине, еще недавно именовавшемся "почтовым ящиком", сразу въехали во двор и выгрузились около заводоуправления. Здесь живо разбежались двумя шеренгами поперек ступеней, создав неширокий, но и не узкий коридор к дверям, застыли. Другие, что приехали раньше, были уже внутри. Все молчали, но Ступак понимал, они обеспечивали приезд самого. Ступак свободно стоял на второй снизу ступеньке и думал, что то, о чем он столько думал, наконец, стало реальностью. В конце концов, он дождался возможности, к которой так долго стремился. Рожок полон патронов, автомат на груди в полной готовности. Не хватало только последней капли решимости. Но почему ее не было? Неужели, что-то им потеряно или появилось что-то новое?

Что-то он все-таки не успел додумать, чтобы окончательно решиться, как к ступенькам стремительно подлетел "Мерседес" с мигалкой, за ним второй такой же. Из них бодро повыскакивали люди в масках, разбежались вокруг по заводскому двору. Тогда подъехал и третий автомобиль, грузный, должно быть бронированный "Кадиллак", из которого легко выскочил он. На этот раз он был в темном, хорошо выутюженном костюме, с длинным, до пупа, галстуком, бросил быстрый, даже хищный взгляд в одну, потом другую стороны, словно проверяя, на месте ли его охрана и обеспечена ли его безопасность. Его твердое властное лицо теперь несло несокрушимую суровость. Тем же

взором он окинул застывшую охрану и, показалось, задержался на усатом, как у самого, лице Ступака. Ступак нечаянно двинул рукояткой автомата, поворачивая его в сторону. Тотчас тревожно сдвинулись брови, но более - ничего. Ступак обмер, а тот пружинисто перескакивая через две ступеньки, вмиг оказался около дверей, где его уже ждала небольшая группа в штатском и масках. Они вместе скрылись за дверьми внутри, Ступак расслабил напряженные мускулы и, наконец, выдохнул.

Обе шеренги продолжали стоять на ступеньках, но былое напряжение прошло, можно было расслабиться. Что-то было непонятно Ступаку - как-то обидно, но он не мог разобраться, почему? В одном он был теперь уверен киллер из него пока что не получился, и, удивительно, ему вроде бы полегчало. Словно он спас кому-то жизнь. Может, и свою собственную. Магазин его "узи" остался целым, его следовало беречь и применять только в крайнем случае. Но где же он, этот самый крайний случай, и кто будет это определять? Наверняка не он. С удовлетворением Ступак чувствовал, что раз и навсегда потерял свои личные права, ими уже распоряжаются другие.

А что он - он хотел только ждать и подчиняться. И он ждал, может, час, а может больше, стоя на той же ступеньке, меняя только упор ноги. Ребята вокруг тоже ждали, другой команды не поступало, и Ступак начал думать, что о них просто забыли. Куда там! Полковник в кожанке что-то гаркнул из дверей и они замерли. Ступак ожидал увидеть его еще раз, но вместо него в дверях появились двое в серых пиджаках - высокий и пониже, их тесно обступали парни в масках. Эти двое шли, склонив седые головы, как-то неестественно держа руки за спиной. И только когда они спустились вниз, Ступак увидел на руках блестящие наручники. Тогда ему все стало понятно. Но кое-что стало еще запутанней.

Арестованных увезли в милицейской машине, а они все стояли на ступеньках, ожидали самого. И Ступак думал, что его жизнь куда-то повернулась. Хотя, кто знает, какой еще стороной она еще повернется позже... Все-таки в жизни каждого есть своя сила, порой злая, жестокая сила.

Первая публикация в журнале "ДЗЕЯСЛОЎ" Ирины Михайловны Быковой.

Перевод с белорусского Виктора Леденева

Послесловие.

Более сорока лет мы жили по хронометру Василя Быкова. Его повести появлялись в печати с удивительной регулярностью, напоминающую сверхсложную работу астрономических часов. Что же лежит в основе этой работы? Талант? Самодисциплина?

Совесть, "абсолютно неизменная, по словам Эрнеста Хемингуэя, - как эталон метра в Париже"" Может, и то, и другое, и третье. А еще что-то собственно быковское - ощущение себя в истории и истории в себе.

Василь Быков уже в Великом Времени. Быковский гений открыл Время во всех реалиях нашего земного существования и радикальное утверждение его возможностей, которых до Быкова не знала мировая литература. Это и понятие невозвратимости времени, о чем белорусы знают больше, чем кто-то другой. Это и понятие выбора, сужающееся к дилемме - быть или не быть - нации, языку, самой жизни. Это и понятие абсурда, когда исчезает оптимистическая надежда на счастливое стечение обстоятельств и, как благодать, является чувство реальности и моральной ответственности, понимание слабых человеческих возможностей сопротивления хаосу и величие человеческого духа. В повести "Афганец" все это присутствует в полной мере.

Своевременность появления этой повести в печати - одна из уникальных особенностей быковского творчества. Как же получилось, что повесть, написанная еще в 1998 году, одна из немногих вещей Быкова, не была опубликована в то время? На это были свои важные причины, понятные каждому, кто живет в реальном времени и реальном пространстве.

В конце апреля поворотного в жизни Василя Владимировича 1998 года, когда он был вынужден уехать заграницу, мне сообщили, что он хочет встретиться и поговорить со мной. Не ожидая, когда закончатся очередные чтения в Купаловском музее, вы вышли во двор. Так случилось, что здесь мы встретились со Станиславом Шушкевичем, который окликнул Василя Владимировича и предложил подвезти на своих "Жигулях". Хотя, видимо, у Василя были другие планы, он неожиданно легко согласился. Меня (для конспирации) посадили рядом с водителем, С. Шушкевичем. "Куда? - "На Маркса"

На Маркса, однако, не остановились, а на повороте у почтамта остановка запрещена, но Станислав Станиславович рискнул. Мы вышли, обошли квартал и очутились около подъезда моего дома. По дороге Василь Владимирович ошеломил меня известием, что вынужден покинуть родную Беларусь, и пояснил, почему: Знаков Беды, круживших вокруг него, его близких, стало чересчур много, чтобы не реагировать на них адекватно

ситуации. В подъезде, около почтовых ящиков он передал мне на сохранение папку с повестью. "Эту повестушку публиковать пока что не время. Пусть подождет. Я вам доверяю. Рассказывать об этом никому не нужно". От такого у меня голова пошла кругом - доверие самого Быкова, - но я сдержался от

искушения хоть кому-то рассказать об этом.

Уроки конспирации я получил в свое время от матери Алеся Адамовича, старой подпольщицы, и от самого Алеся. Мы, белорусы, все поголовно подпольщики. Иной раз, где надо и не надо. Во время телефонных разговоров, в меру редких, я, отвечая на вопросы Василя Владимировича ("Что нового?", "Как лицей?", "Как дети?"), и считал своим долгом сообщить, что "Час "Ш" ждет своего времени. Так сокращено было самим автором первоначальное название повести, написанное на обложке папки. Название "Афганец" появилось позже, когда сложился план-проспект Быковского восьмитомника, который, к сожалению, так и остался неосуществленным проектом. С согласия Ирины Михайловны Быковой под этим названием и публикуется повесть.

Меня, как ученого, особенно обрадовало то, что в папке, кроме, естественно, чистовика, была рукопись первого варианта повести и исчерканная вдрызг рукой автора машинописная копия второго варианта. Известно, что Василь Быков не оставлял рукописей и вообще легкомысленно относился к судьбе своих творений. Например, имея возможность во времена гласности что-то поправить, "улучшить", сознательно не делал этого, надеясь на строгий и справедливый суд истории. Так что это был, возможно, единственный случай (не считая некоторых фрагментов других произведений), когда мы получили возможность попробовать ответить на вопрос, как проходил творческий процесс у Василя Быкова, хотя и понимаем, что сие тайна великая есть. На одно стоит надеяться, - на открытие еще не одной такой тайны в жизни и творчества Василя Владимировича Быкова.

Михась Тычина.

Примечание переводчика.

У читателей могут возникнуть некоторые вопросы, связанные с реальными личностями, упомянутыми в повести. Обращайтесь в таком случае через приватную почту..